

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

МОРПЕХИ

против «белых
волков» Гитлера

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин

**Морпехи против «белых
волков» Гитлера**

«Яуза»

2012

Першанин В. Н.

Морпехи против «белых волков» Гитлера / В. Н. Першанин — «Яуза», 2012 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

«Полундра!» – В годы Великой Отечественной этот боевой клич советской морской пехоты наводил ужас на врага от Крыма до Заполярья. Их доблесть, стойкость и веселая удаля вошли в легенду. Гитлеровцы не зря окрестили их «черной смертью» и боялись больше штрафников и гвардейских штурмовых частей – на фронте знали: морпехи не отступают и не сдаются в плен, их мало убить – нужно еще и повалить. Расстегнув перед атакой ворот, чтобы видна была тельняшка, закусив ленточки бескозырок, не кланяясь пулям – только вперед! ПОЛУНДРА!..Новый роман от автора бестселлеров «Командир штрафной роты» и «Штрафник, танкист, смертник»! Подвиги советской морской пехоты в ледяном аду Заполярья! Отчаянные десанты и разведрейды по немецким тылам, кровавые схватки с эсэсовцами и элитными подразделениями егерей, специально подготовленных для действий в условиях Крайнего Севера и прозванных «белыми волками»! Морпехи Сталина против гитлеровского спецназа!

© Першанин В. Н., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Вступление	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Першанин

Морпехи против «белых волков» Гитлера

Вступление

Если взглянуть на карту Великой Отечественной войны, то можно увидеть, что северный фланг огромного фронта пролегал за 70-й параллелью. Баренцево и Белое море, Кольский полуостров и незамерзающий порт Мурманск, до которого немецкие егеря не смогли преодолеть оставшиеся 80 километров, наткнувшись на ожесточенное сопротивление наших войск. Вдоль Кольского полуострова, через Белое море шли к Архангельску знаменитые полярные конвои, помощь союзников техникой, вооружением и продовольствием.

А юго-восточнее сражался в окружении Ленинград. Исторические места, где морские порты и перевалочные базы соседствуют с безлюдными просторами тундры, полярными хребтами, бесчисленными заливами, – по ним снабжался север фронта, и постоянными врагами кроме немцев были холод, мрак полярной ночи и бесконечные ледяные просторы с гигантскими полярными скалами и минами, щедро разбросанными во время войны.

Глава 1

Операция «Нортон»

Насколько правильно выдержала направление группа – неизвестно. Снег, вой ветра, темнота, компасы барахлили. Ориентироваться можно было по слабо мерцающим во мгле звездам. Имелась карта, составленная в 1910 году, но доверия она не вызвала. Согласно ей группа должна была находиться на ледниковом хребте, на высоте километра.

Однако от края до края тянулась равнина, а впереди мерещилась серая масса замерзшего моря. Группа официально именовалась десантным отрядом морской пехоты «Онега», а командовал им старший лейтенант Никита Васильевич Маркин. Он лично ходил в разведку по этому маршруту, обладал хорошей профессиональной памятью, но сейчас местность не узнавал. Возможно, уклонились? Или менял окрестности морозный туман, выплывающий клубами и принимающий самые неожиданные формы. После короткого совета с остальными командирами взяли южнее.

Десантники находились в пути уже сутки, проделав долгий путь почти без остановок. Имелись две вьючные лошади, но люди были загружены до предела: оружие, взрывчатка, продовольствие и разные мелочи, необходимые для долгого похода. Многие от усталости казалось ненужным. Хотелось выбросить фляги, котелки, запасное белье. Двойной запас патронов и гранат среди мертвой пустыни казался лишним грузом.

Отряд остановился. Далеко впереди мерцал отблеск, непохожий на другие огни северной ночи. Минут пять наблюдали, пока не убедились, что с пути не сбились.

Теперь шли осторожнее, ожидая вспышки ракеты или даже взрыва сигнальной мины. Через пару километров, когда обозначился кружок фонаря, отряд разделился на несколько частей. Вперед выдвинулась разведка – трое парней во главе со старшиной второй статьи Славой Фатеевым, маленьким, увертливым и быстрым в движениях.

Коноводы отвели в низину лошадей и сделали это вовремя. Прожектор потянул голубоватый луч от края залива и вдоль по холмам. Снега здесь было немного, в основном по щиколотку, а кое-где торчали и земляные пласты. Широкая лента ледника, тянувшаяся сюда с самых северных широт, истончилась, превращаясь кое-где в груды заснеженного крошева. Среди них торчали самые обычные валуны, обкатанные до блеска за долгие века путешествия вместе со льдом.

Прожектор был так себе, мощности генератора не доставало. Но за полкилометра немцы довольно тщательно осмотрели местность. Они бы высветили кого-нибудь из сорока человека отряда, будь местность более открытая. Прожектористы осматривали каждую впадину и каждый бугорок. Но камни, смешанные со льдом, земляные холмы и расплзшаяся лава ледника мешали обзору. Потом прожектористы устали от бесконечного мелькания света и тени, луч уже не цеплялся к каждой кочке.

Слава Фатеев с помощниками осторожно и быстро спускались по склону, освещенному луной и мерцанием ледяного залива. Старшина понимал, что в этих условиях необходимо преодолевать склон как можно быстрее. В любой момент могли снова включить прожектор или появиться патруль. Светились окна поста видеонаблюдения.

На таком склоне лучше не задерживаться. Чем быстрее спустишься, тем больше шансов уцелеть. Если не свернешь шею на скользком участке мха или ледяном мостике. Пулеметчик на вышке прикрывал залив и плавучую батарею и в любую минуту мог развернуть турель. По склону от него не убежишь.

Слава Фатеев, легко одетый, в туго перепоясанной телогрейке, шесть лет перегонял плоты на Волге. Это выработало у него необыкновенное чутье на равновесие, он улавливал

носком сапога мельчайшую подвижку льда или камня. Его помощники не имели такого опыта, но чему-то он их успел научить.

Когда спустились, оказались рядом с финским домом-вагончиком. Фатеев вместе с сапером лейтенантом Костей Веселковым побывали в этих местах три дня назад, знали, что в домике находятся человек двенадцать, еще столько же в будке видеонаблюдения.

Со своей отличной оптикой и дальномерами, они хорошо просматривали пролив и любое судно, идущее даже по дальнему краю. Этот упрятанный в расщелине пост был как прыщ на лбу. Его предстояло уничтожить. Но имелась и другая цель – серая громада старого ледокольного корабля «Урал» (когда-то, кажется, родного). Громада покачивалась на якорях, выставив массивные стволы четырехдюймовых орудий в сторону незамерзающего пролива.

Четыре дюйма исход большого сражения не решат, но весят снаряды пятнадцать килограммов и, выпущенные точно в цель, могут наделать дел. Подбитый осенью 1941 года «Урал» немцы решили использовать как плавучую артиллерийскую батарею. Его отбуксировали в хорошо укрытую среди скал морскую бухту в нашем тылу. Здесь проходил один из бесчисленных водных маршрутов: гражданские корабли, сейнеры, баржи развозили всевозможные грузы. Как правило, без охраны, так как военных кораблей не хватало для охраны союзных конвоев.

«Урал», который немцы переименовали в «Нортон», уже натворил дел. В здешних местах пропали два сейнера, а следом грузопассажирский пароход.

Пока летели в него снаряды, радист успел передать координаты батареи и даже сказать товарищам «прощай». Семьсот человек ушли на дно. Не успевшие выбраться из трюмов, сплетенные в клубки или выпрыгнувшие за борт, на что-то надеявшиеся. Но в здешней неживой воде сердце выдерживает считанные минуты и останавливается, сведенное непереносимым холодом.

Такие батареи не рассчитаны на долгие боевые действия. Рано или поздно их и уничтожат. Но старье, да еще трофейное, не жалко. Утопят танкер или просто наведут панику на маршруте – уже немалая польза.

И команду особенно не жалко – сюда собирают списанных никудышных моряков, пехотинцев. В открытом бою никто из них себя не проявил. Забракованные за трусость и расхлябанность, они быстро смеют, расстреливая гражданские суда. С удовольствием наблюдают, как пулеметные трассы перехлестывают тонущих людей, дырявят пробковые плоты и крошат борта шлюпок, перебивая напрочь тянувшиеся к спасению руки. Веселая работа, только пулеметные ленты успевай менять.

Среди семисот погибших советских граждан были эвакуированные рабочие, их семьи, раненые из госпиталей, начальная школа в полном составе со своим завучем.

Плавучая батарея отстрелялась удачно еще несколько раз, подстергая идущие вдоль скал гражданские корабли и сейнеры, но ее в конце концов засекли. В условиях полярной ночи, а точнее, начинающейся весны, бомбить объект не было возможности, да и не хватало самолетов.

Тогда решили использовать недавно созданный десантный отряд морской пехоты «Онега». По существу, дело было новое. Первые морские бригады морской пехоты, созданные осенью 1941 года, в основном растворились в рядах защитников Ленинграда. И вот необходимость заставила выделить из разных подразделений сорок человек, наскоро подучить их и поставить боевую задачу.

Несмотря на спешку, старший лейтенант Никита Васильевич Маркин сумел сколотить боеспособный десантный отряд, который получил даже персональное название «Онега». Вслед за разведчиками бойцы отряда уже спустились вниз и ждали сигнала под обрывом возле плавучей батареи.

Как всегда, многое меняет случайность. Из вагончика на берегу вышел немецкий матрос. Он был безоружен, особенно никуда не спешил, возможно, просто решил подышать свежим воздухом в положенный ему перерыв. Матрос достал сигаретную пачку и вдруг замер. Он уви-

дел стоявшего у скалы громоздкого русского лейтенанта, который пытался втиснуться в расщелину. Это был командир взрывников Костя Веселков, загруженный взрывчаткой.

Немец вел себя хладнокровно, словно появление непонятого человека в русском полушубке было обычным явлением в безжизненной пустыне. У матроса хватило выдержки даже прикурить, он оценивающе оглядел автомат, упрятанный среди тюков. Веселков поднял указательный палец к губам, призывая врага молчать. Это помогло выиграть какое-то время. Пока немец молчал, остальная часть отряда бежала к намеченным местам.

Но нервы немецкого матроса не выдержали. Он метнулся прочь большими прыжками и затем закричал. Почему не кричал сразу? Возможно, берег дыхание, чтобы оторваться от врага. Но в любом случае это его не спасло. Фатеев налетел мелким стремительным комком, ударил финским охотничьим ножом под ребра. Его помощники держали на мушке вагончик, не торопясь открывать огонь. Вначале следовало ворваться по трапу на плавучую батарею.

Но секунды были все же потеряны, и дело пошло не так, как рассчитывали. Постовой у трапа, в громоздкой, подбитой мехом шинели, услышав крик, насторожился. За две недели нахождения здесь равнины и хребты оставались пустынными, не появлялся ни один человек, не считая целей на воде.

Их командир, капитан «Нортон», действовал обдуманно, не торопясь заглатывать куски, которыми можно подавиться. Выбирал проходившие неподалеку небольшие суда и топил их первыми же снарядами, всаживая фугас сначала в ходовую рубку, а затем под ватерлинию.

Рыбачьи деревянные сейнеры не представляли большой ценности. Их кораблями даже было назвать трудно. Большие смоленые баркасы, некоторые даже с парусами. Взрывы разбивали их в крошево. В воде барахтались женщины, подростки, составлявшие основную часть экипажа. По настроению лейтенанта, командира батареи, им давали десятков минут, чтобы окончат и пойти ко дну, или расстреливали. Иногда на спор выпускали винтовочные обоймы.

– Ну вот, нажрались русские своей рыбы, – удовлетворенно подводил итог лейтенант.

Он и сам любил пострелять из своего длинноствольного «люгера», иногда даже попадал за сто-двести метров, не делая разницы, кто плывет – женщина, мужчина или мальчишка.

Постовой подумал, что после таких забав им самим придется худо. Говорят, русские связывают пленных парами и топят, как щенят. Ужасная смерть, но это же варвары! Такие мысли мелькали у постового, когда он увидел бегущих к трапу десантников. Постовой был не слишком разворотливым матросом береговой службы, но стрелял хорошо, проявляя старательность на учебных занятиях.

Выстрел срезал десантника наповал, он покатился по гремящему трапу и уткнулся головой в ограждение. Постовой дал сигнал тревоги, сумел уклониться от пулеметной очереди и вторым выстрелом угодил в ручного пулеметчика Гришу Чеховских, которому отводилась важная роль в штурме «Нормана». Взвыла сирена, вспыхнули сразу несколько прожекторов. Пули крошили финский домик, выскакивали с карабинами солдаты из пункта видеонаблюдения.

Старший лейтенант Маркин уловил в этой суматохе главное и крикнул политруку Слободу:

– Николай, бери Фатеева и махом на батарею. Остальных Шишкин на берегу добьет.

Политрук Слобода кивнул. Его уже обгонял шустрый разведчик Фатеев, за ними бежали остальные. Бдительные постовые на причале вместе с помощниками вели беглый огонь, а зенитчик разворачивал пулемет.

– Не телись, мать вашу! – кричал Фатеев.

Тем временем к постовому у трапа присоединились еще несколько немецких матросов. Стреляли они торопливо, опустошая винтовочные обоймы, автоматные магазины, и задержали атаку, убив и ранив нескольких десантников. Гриша Чеховских, плотный, с круглыми конопатыми щеками, лежал, влипнув в мерзлый металл. Пули свистели в полуметре над ним. В любой момент кто-то из немцев мог опустить ствол и добить пулеметчика.

Хорошо сработал политрук Николай Слобода. Хладнокровно подойдя к борту и пригнувшись, он аккуратно перебросил гранату через ограждение. Немцы увидели гранату и, не дожидаясь взрыва, шарахнулись прочь. Осколки никого не убили, но ранили бегущих в спину. На подмогу уже бежали еще матросы из команды «Нортон», Фатеев тоже наступал, стреляя быстрыми очередями. Его скорострельный ППШ сыпал веер блестящих в прожекторном свете гильз.

Командира разведки поддержали огнем остальные. Фатеев прыгнул на борт и лицом к лицу столкнулся с лейтенантом, командиром батареи. В куртке, наброшенной на плечо, он вскинул длинноствольный «люгер», из которого любил добывать тонущих русских рыбаков, и наверняка бы не промахнулся в Фатеева. Старшину спасли два последних патрона, оставшихся в ППШ.

Сколько ненависти и вины за собственную проявленную нерасторопность было на юном лице немецкого лейтенанта, что даже две пули в грудь ниже ворота не остановили его. Он получил смертельные ранения, но изо всех сил пытался исполнить свой долг – не пустить врага на корабль. Пуля просвистела в десятке сантиметров от шапки Фатеева. Слабеющие пальцы офицера пытались нажать на спуск еще раз, но помощник Фатеева Толя Алехин выбил пистолет из рук офицера.

Часть десантников уже миновала трап и растекалась по кораблю. Зенитчики пытались опустить свою спаренную крупнокалиберную установку на самый низкий уровень. Под веер тяжелых 13-миллиметровых пуль угодил морской пехотинец, пытавшийся подняться по лесенке для лучшего обзора. Ему снесло полголовы и сбросило вниз. Бежавший следом десантник выстрелом в упор уложил одного из зенитчиков, второй успел убежать.

Финский домик, большинство обитателей которого так и остались внутри, горел, разбрасывая брызги взрывающихся гильз, клочья одежды, полыхали ящики с продуктами. Тяжело раненный унтер пытался выползти. Боль от ожогов сумела заставить его подняться, он постоял секунду огненным столбом (горело шерстяное белье) и свалился в пламя.

Сержант Афанасий Шишкин, длинный, жилистый, с мощными ладонями, был оставлен с отделением на террасе, где тоже шел бой. Сбросив рукавицы, он проверял гранаты.

– Пошли, – заторопил он своих помощников, глядя, как те наблюдают за пересекающимися веерами трассирующих пуль.

Цветасто, словно фейерверк, проносятся трассы, но любая пронзит тебя насквозь, как раскаленный гвоздь картонку. Жутко даже смотреть на смертельные огоньки.

– Приготовились, – скомандовал Афанасий, чувствуя нерешительность отделения. – Юрка, заходи справа.

Юрка Ремизов послушно закивал и, добжевав до камня-валуна, бросил три гранаты РГД подряд. Кидали гранаты Шишкин и второй помощник. Грохот перекрыл остальные звуки. Из будки видеонаблюдения вылетали целиком рамы. Новейший локатор расшлепался в блин о камни. Его оператор выпустил в Ремизова торопливую очередь, легко ранил его и тут же получил пулю в лицо от Афони Шишкина.

Старший лейтенант Маркин пока не вмешивался. Его место было на корабле, чтобы как можно быстрее закончить минирование. Но наверху еще шел бой. Из полуразрушенной башенки видеонаблюдения вели беглый огонь из карабинов и автоматов, по существу перекрывая дорогу к кораблю половине отряда.

Трое бойцов лежали в нескольких шагах, убитые наповал. За каменной плитой бинтовали пулеметчика Чеховских, который ахал и мешал санитарам. Политрук Слобода так и не сумел перебраться через борт. Укрывшись за каменной тумбой, он стрелял из карабина.

Трое десантников бежали к трапу. Один упал и закрутился. Двое бросились под прикрытие каменной плиты. Раненого добил пулеметчик, винтовка с расколотым цевьем загремела по обледенелому камню.

И все же, несмотря на плотный огонь, оставив еще двух убитых, Маркин пробился с основной частью отряда на бывший корабль, а теперь плавучую батарею, где сразу началась рукопашная схватка.

Корабль, хоть и не слишком большой, представлял собой сложный лабиринт построек. Носовую часть отбили, Фатеев прорывался к корме, но полубак крепко держали немцы. Люди стреляли в упор, едва не упираясь друг в друга стволами. При этом успевали увернуться, и далеко не каждая пуля достигала цели.

Рыжий Толя Алехин выстрелил в упор из автомата в немецкого комендора возле орудия. Пуля прошла рядом, звонко отрикошетив от массивного ствола. Немец кинулся на Алехина, перехватив автомат, выкручивая его из рук.

Фельдфебель в черных погонах с якорем, окантованным желтой полосой, стрелял из «парабеллума». Командир второго отделения, старый моряк, участник Финской войны, увидел, как из спины десантника, пробитой насквозь, брызнули клочья ткани и крови. Он выстрелил в фельдфебеля, но тот успел нажать на спуск, пробив моряку плечо, и стал торопливо перезаряжать пистолет.

Двое морских пехотинцев сцепились в одну кучу с двумя немецкими моряками, катаясь по палубе, пытаясь достать друг друга ножами. Тяжелая кожаная одежда защищала не хуже кольчуги, но кому-то уже располосовали лицо, у другого вывалился из порезанных пальцев нож.

Ситуацию сломали Маркин и Фатеев. Старший лейтенант в упор застрелил фельдфебеля, а старшина длинной очередью разогнал бежавших с кормы немецких матросов. Алехин прошел очередью немца с ножом. Второй ударил его в ногу. Алехин с руганью отскочил и выпустил длинную очередь в ответ.

Несмотря на потери, команда плавучей батареи дралась упорно. Вряд ли они рассчитывали на какую-то поддержку, хотя успели сообщить по радию о нападении. Просто немцы знали: русские не уйдут, пока не взорвут батарею, и спастись можно, если выбить у азиатов всех командиров и сломить их решимость.

Костя Веселков, отложив тяжелую поклажу взрывчатки, быстро двигался со своими подрывниками к корме. Сверху стреляли из автомата, пули со звоном отскакивали от металла. Получилось так, что теснимый немецкий экипаж скапливался у кормы. Кто-то пытался найти укрытие за шлюпкой. Ее прошили длинной очередью. Тяжело раненный матрос выполз ногами вперед, массивные подошвы ботинок судорожно дергались. Один из десантников не выдержал и дал очередь, добивая немца.

Маркин подозвал Фатеева:

– Слава, слишком долго канителиться. Надо кончать дело. Возьми несколько человек пошустрей и ударь по корме.

– Понял. Шишкина, Алехина возьму, еще двоих-троих.

– Веселкова только не бери. Ему корабль предстоит взрывать. В общем, одним броском, без всяких затяжек, очищай «Нортон» от фрицев.

Последний этап по захвату корабля принес наибольшие потери. Фатеев с ручным пулеметом ловил вспышки и бил по ним сверху. Потерявший ориентировку немец бежал прямо на старшину. Фатеев выпустил остаток диска. Понял, что у людей не выдерживают нервы, и, подхватив ППШ, крикнул:

– Вперед! Не останавливаться!

Сцепились в клубке у кормового орудия и желоба для сброса глубинных бомб, который давно не работал. Здесь уже почти не стреляли, действовали ножами и прикладами. Толя Алехин, раненный в ногу штыком, не отставал от других, но поскользнулся и, упав на палубу, едва не угодил под другой штык. Двадцатилетний шофер из Балакова с ужасом наблюдал, как немец в стеганом комбинезоне поднимается с колена и снова заносит лезвие. И ничего не успеешь

сделать. Разве что мяукнуть «мама» и получить удар. Видно, судьба – погибнуть от немецкого штыка.

Немца застрелил замполит Слобода, и он же, добежав до кормы, свалил двумя выстрелами радиста, затаившегося за переборкой. Продолжали вести беглый огонь с правого борта. Десантник, пытавшийся обойти вспышки, ахнул и полетел в густую ледяную воду.

Гарнизон все же добились, хотя часть немецких моряков успела прорваться на берег. Некоторые разбежались, укрываясь за скалами и в извилинах ледника. Начался ранний северный рассвет, долгий и туманный. Веселков со своей командой минировал плавучую батарею, спуская в трюм ящики с тротилом.

Вызванный ракетой, огибая мыс, медленно приближался сторожевой катер «Касатка», бывший сейнер рыбного флота, выделенный для морских пехотинцев. Дубовые доски почернели от времени, но мотор молотил упорно, толкая посудину со скоростью восемь узлов (пятнадцать километров в час). На баке торчал «максим» с сетчатым зенитным прицелом, а позади рубки виднелось главное оружие – сорокапятимиллиметровая пушка.

По мокрым от крови сходням грузили раненых. Погибших сразу складывали в ряд у борта и накрывали брезентом.

– Дорого нам этот «Норман» обошелся, – с досадой произнес капитан сторожевика Ефрем Будько, плавающий на этой посудине с десяток лет.

– Войны без жертв не бывает, – рассудительно ответил политрук Слобода.

– Внезапности не получилось, – сказал Маркин. – Упустили минуту-другую, и вон они, ребята, под брезентом лежат. Ладно... Веселков, у тебя все готово?

– Так точно!

– Ну, так взрывавай к чертовой матери эту посудину. Хватит ей небо коптить. Отстрелялась, сволочь.

Плавучую батарею приподняло мощным толчком, в пробоину хлынула вода. В водовороте крутился всякий хлам, спасательные круги, обломки и тела немецких матросов, уничтоженных во время боя.

На минуту плавучая батарея замерла, с ревом вбирая в себя воду, потом кувыркнулась и ушла кормой вниз, пустив огромный пузырь воздуха. На берегу горели постройки, взрывались патроны, стекала по откосам пылающая солярка, в огне шипел лед и смерзшийся снег.

Для небольшого отряда, по существу взвода, победа была немалая. Уничтожена батарея, которую немцы воткнули и укрыли в одном из многочисленных проливов в нашем тылу. На севере такое возможно. На сотни километров ни одного поселка, нет дорог, а самолетами огромное пространство не прочтешь. Да еще попробуй найди в затерянном проливе втертую в скалы батарею и хорошо закамуфлированный наблюдательный пункт.

Сюда фрицы вряд ли вернуться, разве что забрать обгоревшие трупы. Но и морским пехотинцам выполненная операция обошлась дороже некуда. Пока отвинчивали фляги с водкой и вскрывали банки с тушенкой, нет-нет да бросали взгляды на ряд тел, укрытых окровавленным брезентом. Вздыхали и опрокидывали кружки за помин души погибших товарищей.

Выпили и свои порции, и погибших товарищей – мертвым водка не нужна. Маркин не возражал, а политрук Николай Слобода и сам не отказывался, заглушая водкой дрожь в пальцах. В такой заварухе, где каждую минуту рядом с тобой гибнут свои и чужие, он побывал первый раз.

– Успокойся, Коля, – сжал ему локоть Никита Маркин. – Ты молодец держался, а к смерти привыкнуть невозможно. Да и не надо привыкать.

– Я понимаю, – закивал головой политрук.

– Ну и хорошо. Давай еще по сто граммов налью.

– Боюсь, опьянею.

– Нет, сейчас никто не опьянеет. Нервы только-только отпустить начали.

Мотор стучал ровно, уходили вроде спокойно. Лишь на расстоянии мили ударил вслед один из уцелевших на уничтоженной базе пулеметов. Пустое дело выпускать очереди на два километра. Раньше стрелять опасались, могли получить ответ из «сорокапятки», ну а сейчас вроде ко времени: мы еще живы и последнее слово за нами.

Пули с большим разбросом шлепали по воде, иногда вонзались в доски древнего баркаса. Одна отрикошетила от воды и ударила в скулу молодого десантника, сорвав клочок кожи со щеки. Комендоры развернули кормовую «сорокапятку» и выпустили штук пять снарядов. Пулемет замолк, а догорающие обломки раскидало фонтаном огненных брызг.

Выпили еще водки, снова вспоминали моменты боя и прикидывали, что потопленная батарея не маленькая, тонн на 300 водоизмещением.

– Крейсер, – передразнил слишком хвастливого морпеха Маркин. – Идите в трюм, спите, пока возможность есть, а то разболтались. Великую победу одержали.

Десантники неохотно полезли со свежего воздуха в пропахший рыбой темный трюм.

Наверху остались командиры и начальник разведки Слава Фатеев. Он дремал, слегка расслабившись после выпитой водки, но хорошо слышал, что происходит вокруг. Для него это был не первый и не второй бой.

– Крейсер не крейсер, а десятка три фрицев ухлопали, – сонным голосом сообщил он. – А может, и больше. И батарею эту сволочную на дно пустили. Готовь представления на медали, Никита Васильевич.

– На ордена, – огрызнулся Маркин.

Задремал и политрук, не чувствуя холодного ветра, пронизывающего через телогрейку. У орудия и зенитного пулемета застыли неподвижные фигуры расчетов. Хоть и стояла в небе серая хмарь короткого северного дня, но в любую минуту мог появиться охотник «Юнкерс-87», чертов «лаптежник» с полутонным запасом бомб. Вывалится с воем из облаков непонятно с какой стороны, и посыпятся направленные опытной рукой фугасы.

В соседней бригаде сразу два катера утопили, а третий с пробоинами, подобрав уцелевших бойцов, кое-как доплухал до берега, получив несколько очередей в гущу раненых и замерзающих людей.

Для катера-сторожевика, который вез десантников «Онеги», не нужно бомбардировщика, вполне хватит легкого «Мессершмитта» с его двумя пушками и двумя пулеметами, даже если он взял вместо бомб запасные баки с горючим.

Обычные винтовочные пули пробивают насквозь дубовые борта и палубу, а 20-миллиметровые снаряды выламывают полуметровые дыры в обшивке. Одна удачная атака, несколько таких пробоин, заглохший мотор, и, сваливаясь с борта на борт, судно быстро начнет тонуть. Слабая надежда на небольшие шлюпки, которые первыми попадают под осколки и пули, и дрянненькие пробковые плоты. Спасательные круги тоже не помогут, ледяная вода сковывает мышцы, и сердце останавливается после десяти минут в такой купели.

«Хоть бы темнело быстрее», – думали зенитчики, обшаривая слезящимися глазами все еще светлое небо. Слабая защита от вражеских самолетов – мелкая пушка и древний «максим». Но зенитчики будут вести огонь до последнего, в этом их единственное спасение. Вряд ли они сумеют скovyрнуть фашиста, но прицел сбить смогут – немцы свою жизнь ценят и под огонь не полезут. Бросят бомбы и отстреляются издалека. Даст бог, промахнутся. Такое случилось на прошлой неделе.

Но море оставалось пустынным. Ветер гнал мелкие, но чувствительно бьющие в нос волны, проплывали большие и мелкие льдины. С одной, жмурясь, смотрели на людей два жирных блестящих тюленя. «Не так и много у фрицев самолетов, авось дойдем до дома без приключений. Хватит на сегодня погибших».

Капитан баркаса, оставив руль матросу, спустился из рубки к Маркину. Политрук крепко спал, Фатеев открыл один глаз и повернулся на другой бок. Сегодня он застрелил трех нем-

цев, и его догоняла первая дрожь. Хотел попросить у Маркина еще водки, но постеснялся. А Ефрем Будько, капитан катера, хвалил Маркина и говорил, что за такую успешную операцию непременно наградят.

– Брось, Ефрем Васильевич, – отмахнулся Маркин. – Быстрее бы домой, отогреться да еще граммов по двести принять.

Выкурили с капитаном по сигарке, тот отправился в рубку. Маркин свернул еще одну, курил и рассуждал, что радоваться особенно нечему. Утопили корыто, и от радости успокоиться не можем. Положение на фронте совсем не веселое. Утратило силы успешно начатое декабрьское наступление под Москвой, в глухой блокаде находится Ленинград, взяты Харьков, Белгород. Хоть и буксуя, а прет вперед немецкая машина. Сколько сил понадобится, чтобы ее остановить...

Глава 2

Отряд «Онега»

У Никиты Васильевича Маркина широкое, с мелкими рябинками лицо, которое кажется простоватым, но мужик он себе на уме. Поэтому и поручили ему формирование первого в бригаде десантного отряда морской пехоты. Когда стали готовить перечень направлений, по которым будут действовать десантники, список получился такой длинный и несуразный, что командир бригады Юшин с раздражением выругался.

Съездили к соседям поглядеть, как обстоят там дела. Картина получилась пестрой. В одном месте команда потопленного тральщика, став по приказу десантной ротой, несла береговую охрану. В другом месте взвод морской пехоты охранял железнодорожную станцию, а до третьего места доехать не успели. Потому что не та была обстановка в конце зимы сорок второго, чтобы раскатывать и учиться друг у друга.

Стало ясно: если люди хотят воевать, а не заниматься бумажной волокитой, то надо действовать, исходя из обстановки. На побережье Кольского полуострова немцы активно прорывались сквозь жидкую линию фронта и наносили удары по небольшим портам, взрывали склады, а диверсионные отряды, высаженные с быстроходных катеров, успевали сделать свое дело и обернуться за считанные часы.

– Разведка у нас есть, береговые посты тоже, даже клуб с оркестром имеется, – ехидно рассуждал Юшин, расплескивая крепкий флотский чай. – Даже воевать пытаемся, только чаще по морде получаем. «Десну» у нас под носом утопили, семьсот человек погибли, а баянисты в клубе плясовую наяривают.

– Парашютисты причал сожгли вместе с буксиром, – подсказал кто-то из политотдела.

Никита Васильевич Маркин тогда был офицером по особым поручениям, а в прошлом артиллеристом на тральщике. Тральщик утопили во время знаменитого Таллинского перехода, когда выводили из немецкого кольца наши корабли. Тральщик попал под авиабомбу, Маркина кое-как вытащили из ледяной воды и, не дав просохнуть, поставили к орудию на сторожевике.

«Юнкерсы» клевали зажатый в тиски флот непрерывно, корабли не успевали огрызаться. Маркину повезло, он благополучно добрался до Ленинграда. На сторожевике воевал до зимы, пока не получил контузию. В штабе служить неплохо, но слишком уж нудно, а Маркин считал себя моряком. Но в море его не выпустили, а поручили создать и возглавить десантный отряд морской пехоты. Никита Васильевич спорить не стал, хорошо изучил вопрос и после командировки докладывал свои соображения:

– Боевой работы для отряда хоть отбавляй, люди тоже есть. У нас сто с лишним моряков без дела слоняются, есть резерв из пехоты. Начальника хорошего из разведки подобрал, сержанта Фатеева, недавно из госпиталя выписался. Давайте на батальон десанта замахиваться не будем, а создадим хотя бы взвод. Пусть будет специальный отряд. А то бросают на серьезные дела кого ни попадя, кто ближе к месту происшествия.

– Даже поваров на парашютистов, – заржал кто-то.

– И поваров тоже, был факт, – подтвердил один из политработников.

– Есть предложение создать десантный отряд, специально направленный на активную охрану самых узких мест побережья, мелких портов, перевалочных баз...

– Активная охрана и боевые операции – это то, что от нас потребуется, – продолжал Юшин. – Дам лошадей, выделим катер, при нужде, глядишь, выпросим у авиации на часок-другой самолет.

– Можно списанный торпедный катер попросить. Восстановим, – загорелся кто-то из командиров.

– Эсминец тогда уж проси, – осадил его Юшин. – Какие, к черту, катера. Немцы под Мурманском, их катера в наших тыловых водах как у себя дома, базы одну за другой строят. Взвод много не сделает, но что-то выявим, а где и сами ударим.

Совещание закончилось тем, что был подписан приказ о создании десантного отряда специального назначения «Онега». С формулировкой командир бригады схитрил. Здесь, в пустынных северных местах, трудно скомплектовать даже полноценный взвод. Да и ниже роты опускаться не хотелось, все же целое совещание собрали. А «отряд специального назначения» звучит солидно, да еще собственное название имеет – «Онега».

Недели две подбирали людей, технику. Словно в насмешку, вместо катера хозяйственники предложили тяжелую, как колода, гребную шлюпку. Маркин от удивления лишь головой покачал:

– Тогда уж лучше на плоту! Больше смеха будет. Какой это, к чертям, десант? Перевалочная команда.

– Начинайте ремонт, – убеждали его хозяйственники, – а мы двигатель подыщем.

– Сюда хоть самолетный ставь, а больше пяти узлов не выжмет. Да и то по ветру.

С персональным судном ничего не получилось. Договорились, что для проведения операций с базы будут выделять сторожевой катер «Касатка», бывший сейнер рыбного флота. Весной сорок второго года, в трудное время, не хватало самых необходимых вещей. С трудом удалось найти приличную рацию. Вооружение составляли винтовки, два ручных пулемета, а штаб флота выделил из своих запасов четыре автомата ППШ.

Получили взрывчатку и хорошего специалиста Костю Веселкова, лейтенанта-сапера. Был он мощного телосложения и любил посмеяться, оправдывая свою фамилию. Он быстро сколотил команду, хотя иметь дело со взрывчаткой охотников находилось мало.

Даже бывалые моряки с опаской глядели на хитрые взрыватели, стремительно горевший бикфордов шнур, шипевший, как змея. Минеров с кораблей не давали. Веселков через Юшина набрал отделение из саперного батальона, бывалых, в возрасте, ну и ребят помоложе – пусть учатся.

Пехота с удовольствием сбрасывала протертое исподнее, надевала тельняшки, черные плотные штаны, морские шипованные ботинки, флотские шапки и бескозырки, в форме морской пехоты хоть где можно покрасоваться. И кормежка неплохая, по усиленной норме: наваристый борщ, макароны по-флотски, жирная селедка в мисках. Не каждый день, конечно, такая лафа, но все сытнее, чем в обычных подразделениях.

Сложился крепкий актив. Повезло и с командиром разведки. Невысокий шустрый Слава Фатеев в дело вник быстро, может, жизненный опыт помог. Взрывник Веселков – специалист опытный, и отрядный старшина, хоть и пронырливый, но дело свое знает, люди голодными не сидят. Пусть каша не с говядиной, а с противным тюленьим мясом – зато калории. Раза два кормили котлетами, бойцы нюхали, ели, просили добавку.

– Из чего котлеты? – спросил всегда смурной Чеховских.

– Угадай с трех раз! – хлопал себя по колену подвыпивший старшина.

– Из собачатины небось? – кривился Чеховских.

– Вот и не угадал, – резвился старшина. – В рыбхозе сто килограммов китового мяса выписал, там же на фарш перекрутили, и, пожалуйста, котлеты не хуже домашних.

– Ничего котлеты, можно есть, – одобрил начальник разведки Слава Фатеев. – Подбрось еще парочку.

– Тебе подброшу, как главному разведчику, – соглашался старшина. – Может, подрастешь немного, а то совсем тебя не видно.

– Зато у тебя брюхо на полметра торчит, – не лез в карман за словом шустрый Фатеев.

Наверное, только у таких мелких белобрысых мальцов, вроде Славы Фатеева, жизнь складывается самым необычным и весьма нелегким образом, и получаются ребята на редкость умелые и находчивые.

Семья жила в пригороде Сталинграда, занимая дом-полуземлянку, наполовину сползшую в овраг. Вместе со Славой в семье росло пятеро детей. Отец крепко запивал, отовсюду его выгоняли, а кормила всю эту ораву мать, работая в две смены на ватной фабрике. Жили бедно, выручал огород в овраге, где выросли огромные тыквы и мелкая сухая картошка.

Когда никудашный муж вылетел в очередной раз с работы, мать, не раздумывая, выкинула его вместе с фанерным чемоданом, громоздким шевиотовым пальто и побитой в пьяных гулянках гармошкой.

– Ступай, жених, куда хочешь. Может, какая дура и подберет, клонет на такое приданое. А я вдоволь наглotalась.

– Не надо, Вера, – оправдывался так и не протрезвевший муж, – семья у нас... Уладится все, на работу снова устроюсь.

Гармонь, растягивая непонятный звук, покатила следом за чемоданом, и муж понял, что разговоры закончены. Мать у Славки была решительная, может, в нее и сын пошел.

Когда, шатаясь, убрался изгнанный муж (никудашный, но все же мужик), Вера словно впервые увидела своих тощих зачуханных дочек-сыночек и от души расплакалась. Одну из дочерей срочно устроила в интернат, а Славку постригла, умыла и повела в фабрично-заводское училище.

Директор удивился тому, что в тринадцать годков Славка выглядит как восьмилетний подросток и закончил всего три класса.

– Он у тебя недоношенный? – с любопытством спросил не слишком деликатный директор.

– Почему? Вовремя на свет появился, – соврала мать, родившая Славку в семь месяцев из-за побоев папаши и плохого питания.

– И четыре года в трех классах топтался.

– Я семье помогал, – вставил свое слово Славка, угрюмо глядя на директора.

– Ну, куда я его возьму? – развел руками директор. – У меня минимум с четырьмя классами учатся, по здоровью прошедшие. А твой молотком как следует замахнуться не сумеет. – И, послушав еще минут пять горестные жалобы обиженной женщины, закончил разговор: – Через год приводи, а лучше через два.

– У-у, буржуй, – не выдержал Славка, который молчать не умел. – Расселся на красном стуле и воду из графина пьет.

Ничего другого выдумать не успел. Мать с бесконечными извинениями вытаскивала сына из кабинета. Отвезли к родне в поселок Красная Слобода, где крепко сбитые семьи поколениями выращивали помидоры и возили их на продажу в верховья Волги, зарабатывая на этом хорошие деньги.

Труд тяжелый, явно не для недоростка Славки, которого хотя бы откормили сначала, а не совали на второй же день в жаркую, душную теплицу, где работали с семи утра и до заката. Паскудными, жадными оказались дядька и тетка. Славку за родню не считали, жил он в сарае с наемным рабочим-бродягой. Хозяйева жрали щи с бараниной, гречневую кашу со шкварками, а вместо воды пили густое кислое молоко. Славке с бродягой варили постный суп или кашу без масла, хлеб был всегда черствым.

Бродяга удивлялся жадности родственников:

– Ну ладно, я им чужой, а ты ведь родной племянник. За что они тебя гноят?

– Разбогатели, вот и выделяются, – рассудительно отвечал Славка.

Бродяга много чего повидал в жизни, посидел в тюрьмах, научил Славку ругаться, курить, пытался угощать самогоном, но Славка плевался и отказывался пить.

– Самое ценное на свете что? – вещал подвыпивший бродяга. – Не знаешь? А я знаю. Свобода! Я из лагеря два раза бежал. Поймали. Ох и били же меня!

Славка уставал от назойливого соседа и, не выдержав, поддевал его:

– Свободу любишь, а как привязанный на поле пашешь и в сарае ночуешь.

– Пережидаю. В сентябре хозяин со старшим сыном на ярмарку уедет, в доме жена да мелюзга останется. Я знаю, где у твоего дядьки кубышка. Тысяч десять, а то и больше под половицей прячет. Выгребу, и поминай как звали. Могу тебя в долю взять.

Славке такое предложение показалось диким и глупым. Когда бродяга снова напомнил о кубышке, Славка хотел было предупредить жену хозяина – все же не чужие люди и детей у них четверо. Но промолчал, дядька сам его оттолкнул.

Однажды вечером позвал поужинать. Славка подтянул под лавку босые ноги и, пуская слюни, наблюдал, как тетка накладывает в миску жареную свинину с картошкой, подвигает ближе миску с малосольными пупырчатыми огурцами, и пышный пшеничный хлеб нарезан большими ломтями. Ел жадно, как волчонок, разгрызая крепкими зубами кости. Хозяйские дети, то бишь двоюродные братья и сестры, как могли, издевались над бедным родственником:

– Такому дай волю, он все в доме сожрет!

– Эй, Славка, чего от тебя псиной воняет?

– Ты, папаня, больше не сажай его с нами. Вон, третий кусок хлеба ташит.

А подвыпивший дядька, разозлившись, пошел костерить всю семью Славки.

– Ты хоть и родня мне, а я вас за людей не считаю. Гришка, отец твой, пьяница и бездельник. Ходите, как оборванцы. Ну, Гришка какой-никакой, а работник в доме. Зачем его мать выгнала? Чтобы пожить вольно, блядовать, как хочет. Тьфу, дура беспросветная.

Славке стало обидно за мать:

– Она по две смены работает, и младших в доме трое осталось. Их кормить надо. Какие уж тут блядки.

Мясо и картошка были съедены, добавки не предлагали. Славка жевал хлеб, а дядька продолжал костерить его семью, особенно мать.

– Хватит вам, – не выдержал Славка. – Мама у меня хорошая.

– Пошел вон, гаденыш, – разозлился дядька, а тетка убрала подальше миску с хорошим хлебом.

В сарае Славка долго ворочался на дощатых нарах, даже всплакнул от обиды за мать и решил ничего не рассказывать дядьке о намерениях бродяги. Украдет твои деньги – и черт с тобой, может, язык укоротишь.

В конце лета, когда в основном работы были закончены, дядька накормил племянника супом с чечевицей и велел возвращаться домой.

– Ты не работаешь, а как червяк ползаешь. Прожираешь больше.

– Я стараюсь, дядя Кузьма, и от других не отстаю, – пробовал оправдаться Славка. – К вечеру только немного задыхаться начинаю.

– Ну, вот дома и задыхайся, тут тебе не больница.

– Как же я домой доберусь. Денег бы дали, дядя Кузьма. Рублей десять или двадцать я все же заработал.

– Что заработал, все проел. Счетовод нашелся, жалованье себе посчитал по высшему разряду. К плоту прицепишься и доедешь со всеми удобствами.

– Дай мальчишке хоть харчей на дорогу, – влезла в разговор жена – Что-то ведь он заработал.

– На суп да кашу без мяса. Ладно, накидай ему в рогожку мелких помидоров, пусть родных порадует. Съел супец? Ну и пошел с богом. Больше не возвращайся, мне с нищетой некогда возиться.

Вот так впервые по-настоящему обидели мелкого шкета Славу Фатеева. Оплевали, не заплатили, хотя Славка старался и какие-то гроши заработал. Рогожку с полведром незрелых сплюснутых помидоров не взял. Пообещал сквозь зубы:

– Может, вернусь повидаться... Как бы тебе тошно, дядя Ефрем, не стало.

До того жалко выглядел низкорослый белообрый Славка, что дядька лишь отмахнулся и засмеялся. А вот жена его не засмеялась. Суженными от злобы глазами и острым, как клюв, носом, Славка напоминал ее покойника-отца, то бишь Славкиного деда. Тот разбойник был – не приведи Господь.

А Славка прибил к плотовщикам. Бригадир недоверчиво оглядел малорослого парнишку и спросил:

– На что ж ты такой годен?

– Что скажете, то и буду делать.

Бригадир почесал затылок. Бригада нуждалась в помощнике, а мальчишка выглядел шустрим. Целые острова сосновых и березовых звеньев перегоняли тогда по Волге с верховьев до безлесной песчаной Астрахани. Не жалея, проплыл Славка вечером мимо родного дома, не захотел матери на шею садиться. Сестренки и младшие братья подарков ждут, хотя бы булку или конфет дешевых, но пусто было в карманах и тощей торбе. Ничего, заработаю! И побежал, прыгая с бревна на бревно, выполнять распоряжение своего нового начальника – бригадира плотовщиков.

Пять сезонов отплавал по Волге, неплохо оделся и превратился из шкета в смышленного задиристого парня. Ребята-плотовщики озорные. Не зевнут, если увидят на пустынном берегу овцу. Час прошел, уже мясо в котле кипит и литр самогона за два сосновых бревна выменяли. Специально излишек с собой возили для такого обмена. Проплывая, хозяйничали на бахчах и огородах, на стоянках дрались с местными и, как правило, выходили победителями.

Однажды на пристани, заставленной кизлярским вином, украли три ящика и загремели в милицию. Кого-то оставили за решеткой ждать суда, а Славку начальник милиции спросил:

– Чего ж ты, шкет, с таких юных лет воруешь? И вино пить приохотился?

– Я его в рот не беру, – соврал Славка. – Просто ребята попросили покараулить.

– Семья-то у тебя есть?

– Мать, две сестренки и два брата в Сталинграде живут.

– Вот и отправляйся к семье. В Сталинграде заводов много, устройшься, нормальным человеком станешь. Утром пароход на Сталинград пойдет, я тебя там пристрою, только не вздумай убежать.

– А куда мне убежать? – уныло отозвался Славка. – Плот уже далеко ушел, не догонишь.

Пару лет прожил дома, работал на лесозаводе, получил специальность. Мать уже приглядывала ему невесту. Славка, кажется, остепенился, однако, на свою беду, занесло его в поселок Красная Слобода, где когда-то работал у дядьки, а тот его несправедливо выгнал, не заплатив за работу, и даже денег на дорогу не дал.

Дождался ночи, сломал, растоптал самую большую теплицу, поджег сарай. Дядька выскочил с ружьем, но Славка опередил его и ударил палкой по руке да еще добавил ногами по ребрам и, забрав двустволку, убежал.

Нашли его быстро, сунули в камеру, начали следствие. Получил бы года два-три, но началась война, и Славка подал заявление с просьбой искупить вину на фронте.

Вначале рядовой Фатеев воевал под Ленинградом, получил ранение. Затем попал в морскую пехоту, где шустрого парня присмотрел для отряда морского десанта специального назначения старший лейтенант Маркин. Взял и не пожалел, присвоив звание вначале старшего матроса, а затем старшины второй статьи – черная петлица и две желтых лычки. Эх, девки поселковые глянули бы на Славку в морском десантном обмундировании, в ремнях, нашивках и с автоматом за плечом. Сразу забыли бы свои подковырки про мелкий рост.

Маркин и политрук Николай Слобода с людьми работать умели. Быстро сколотили крепкий актив. Командовать разведкой поставили Фатеева. У взрывников командир имелся. Командиром первого отделения назначили долговязого старшину первой статьи (по-сухопутному «старший сержант») Афанасия Шишкина. Подобрали других командиров, нашли фельдшера, Акима Рябкова, слонявшегося после контузии без дела.

Ручных пулеметов всего два, но сухопутный сержант Гриша Чеховских дело свое знает. И хотя некоторые ему с усмешкой клеят пехотную кличку Сапоги, Гриша пулеметом владеет, как портной иглой.

Обучение десантников сразу поставили на уровень. Каждый получил штатное оружие, проверили знания материальной части, и через пару дней на стрельбище загремели выстрелы. Из тыловых объемистых складов Маркин сумел выбить несколько ящиков залежавшихся патронов, и стреляли практически каждый день.

На проволоке протаскивали картонные силуэты бегущих фашистов, макеты пулеметных расчетов, и Гриша Чеховских учил бить их с первой-второй очереди. Недлинной и точной, в пять-семь патронов, чтобы не задирали от лишней пальбы ствол.

Некоторые пулеметные хитрости и Маркин не знал. Лежало пулеметное отделение Чеховских со своими ДП-27 на линии огня, а старший сержант учил намертво держать прицел, плотно вжимая сошки в землю. Увидев, что кто-то начинал зевать, вдруг бил носком сапога снизу вверх под кожух пулемета, ствол вместе с сошками взлетал вверх. Это означало, что боец не научился всем телом удерживать ДП, который при стрельбе крепко трясет от отдачи.

Учитывая, что драться придется на близком расстоянии и часто использовать гранаты, Шишкин каждый день по очереди тренировал все отделения. Краснофлотцы из соседней бригады с деревянными винтовками (салаги!), разинув рты, глядели, как лихо старшина Афоня Шишкин обращается с гранатами.

С РГД-33 в целях безопасности снимали металлические «рубашки», длиннорукий старшина запускал гранаты точно в цель, и деревянные манекены часто разваливались на куски от прямого попадания. Остальные манекены, издырявленные осколками, чинили и латали вечером самые неудачливые гранатометчики.

Непонятно, зачем хвалились авторы инструкций, что радиус убойного действия осколков РГД составляет 25 метров, но Слава Фатеев вскоре убедился, что уложить врага или нанести ему серьезные повреждения можно, если граната взорвется метрах в десяти. На более далекое расстояние большинство осколков теряло свою убойность.

Ф-1, или «лимонки», действовали мощнее. Занятия с ними проводились всего пару раз. Фатеев видел, как квадратные осколки вырывали куски досок и разбрасывали их в разные стороны. В то же время часть чугунного корпуса «лимонки» разносило буквально в пыль, которая была опасна всего на несколько шагов. Но, глядя, как сжимаются и влипают на дно окопов бойцы, а наблюдатели-зеваки стараются убраться подальше, Слава понял, что взрывы, а особенно сразу нескольких гранат, морально придавливают противника. После первых же тренировок Фатеев всегда брал на задание три-четыре «лимонки», и они не раз его выручали. А уничтожить экипаж «Нормана» в отсеках и за щитами можно было только гранатами.

Учения с гранатами, особенно с РГД, – вещь для начальства хлопотная. Молодые бойцы теряются. Перед броском надо снять с предохранителя, повернуть рукоятку, встряхнуть корпус и затем бросать, помня, что у тебя четыре секунды. Чтобы не перепутать очередность операций, тренировались на деревяшках.

Не обошлось без несчастного случая. Паренек из Архангельска, встряхнув РГД, вдруг застыл в оцепенении, громко и медленно отсчитывая секунды. Первым опомнился Слобода.

– Охренел?

Сказано было крепче, матом, но и действовал политрук шустро. С руганью вышиб шестисотграммовую РГД и повалил парня. Граната была с металлической «рубашкой», и доста-

лось обоим как следует. Парню перебило руку, издырявило осколками плечи, лицо. Политруку вырвало под мышкой клок бушлата вместе с кожей и ударило мелким осколком в скулу. Никита Васильевич Маркин, обозленный, что придется ходить в штаб и писать оправдательные бумажки, орал на Слободу:

– Ты ведь людей отбираешь? Не видел, что боец заторможенный, спит на ходу?

Фельдшер Рябков, накладывая шину, объяснил:

– Парень нормальный, просто шок случился. Боятся молодые гранат, вот в башке и перемыкает. Да перевяжите вы Кольку, мать вашу, у него все лицо кровью залито.

В общем, обошлось без лишней волокиты и проверок. Беломорье – это не Куйбышевская область, где штабной на штабном сидит. Парня отправили в госпиталь как получившего боевое ранение, а Коля Слобода лишился половинки брови, обзавелся шрамами и приобрел невиданный для политработника авторитет:

– Наш комиссар не ссыкун. На гранату, как на бабу, без раздумья кинулся.

– Другого комиссара и не дали бы! Свой парень!

Но хвалиться пока было нечем. Горные егеря да и остальные солдаты группы армий «Север» прошли куда более основательную подготовку. И Маркин убедился в этом в первой же операции по уничтожению плавучей батареи «Норман».

Операция была задумана как ответный удар врагу, который, пользуясь превосходством на фронте, нагло лезет от границы с Финляндией, через горные хребты, по морю вдоль побережья, в глубокий тыл Красной армии, нанося удары от Архангельска до Петрозаводска.

Операцию по уничтожению плавучей батареи «Норман» можно было назвать удачной с большой натяжкой. Едва не половина отряда выбыла убитыми и ранеными. Хотя и на линии фронта потери были не меньшими, а в лобовых атаках исчезали целые роты.

Глава 3

Егеря группы «Север»

Серьезные это были ребята из горно-стрелковых егерских батальонов группы армий «Север». Элитные войска. Иногда называли себя «белые волки». По повадкам, стремительным налетам в светлом или белом камуфляже, они действительно напоминали волков. Но и старший лейтенант Маркин времени не терял, его отряд «Онега» учился и на полигоне, и в боевых схватках, быстро набирая опыт.

Весной активно пошли караваны союзников с вооружением и техникой из Англии и США через Мурманск по Баренцеву и Белому морю в Архангельск. Везли танки, самолеты, паровозы, листы алюминия, тушенку и прочие нужные вещи.

Долгое время было модно свысока оценивать американские и английские поставки. Танки горят, как свечи, самолеты так себе, а без вашей тушенки мы вообще бы легко обошлись. Это не совсем так.

Достаточно было зайти в любую солдатскую столовую или заглянуть на полевую кухню, чтобы убедиться, как неважно обстояли дела с питанием. Бойцы, случалось, по несколько дней, а то и недель сидели на похлебке с перекисшей капустой и редкими блестками жира. Оживлялись, когда в ротный котел бросали две-три банки тушенки. Пара килограммов мяса и сала на сто человек, их и не разглядишь в большом котле, но каша или суп становятся сытнее.

А самолеты? Пять тысяч истребителей «Аэрокобра» привезли корабли в Советский Союз. Скорость 615 километров в час, вооружение сильное – пушка и крупнокалиберные пулеметы. Для сравнения: новый советский истребитель «Як-1» (хорошая машина!) выжимал 590 километров в час, имел деревянный корпус и вооружение куда слабее, чем у американца. Я уже не говорю об устаревшем И-16 («ишачок»), с его скоростью в 500 километров и малокалиберными пулеметами ШКАС, скорострельными, но малоэффективными.

Наши летчики на любых самолетах в бой шли смело и сбивали фрицев, хотя несли немислимые потери. Эскадрильи и полки таяли, гибли целиком за считанные дни и недели. Так что не пустяк были эти пять тысяч «Аэрокобр», две тысячи истребителей «Киттихоук» с шестью крупнокалиберными пулеметами в крыльях, а также небольшие партии других самолетов. Чем не помощь?

И танков поступало немало. Герой Советского Союза Дмитрий Лоза хорошо отзывался об американском «Шермане». В чем-то он уступал нашему Т-34, но уж значительно превосходил легкие танки БТ, Т-26 или Т-60 с малокалиберной пушкой. Так что не зря немецкое командование выставляло на пути конвоев стаи подводных лодок, эскадрильи бомбардировщиков, и не прекращалось постоянное наблюдение за морем.

Наступивший на несколько месяцев полярный день облегчил работу немецким летчикам и подводникам. Полеты, если не мешала плохая погода, осуществлялись ежесуточно.

Едва не каждый день поднимались столбы дыма и доносились отдаленные раскаты взрывов. В безветренную погоду над водой на сотни метров поднимались грибовидные облака от сгоревших или взорванных крупных транспортов.

На берегах узкого в этих местах Белого моря и Двинской губы немцы стали забрасывать группы разведки (в основном егерей), активизировали агентуру. Среди коренных местных жителей осведомителей даже в трудное время 1942 года найти было сложно, но предатели все же находились, особенно среди ссыльных националистов. Существенной роли они не играли, выполняя функции проводников, да и находились в основном под наблюдением. Зато записали на высотах и в заливах радиопередатчики заброшенных в тыл разведывательных групп, показывая цели немецкой авиации.

Впрочем, использовалась не только авиация. Немецкие десантные отряды группы «Север» наносили болезненные удары везде, где представлялась возможность. Сброшенные парашютисты в течение нескольких часов хозяйничали в райцентре, взорвали мост, железнодорожные пути, грузовые склады.

Комендантский взвод и зенитный расчет были уничтожены умело и стремительно. Парашютисты знали свое дело, все произошло настолько быстро, что растерянная телефонистка успела произнести несколько бессвязных фраз, которые никто не понял. Ее закололи ножом в спину. Девушка так и осталась сидеть на стуле перед коммутатором.

Начальник железнодорожной милиции, пожилой майор, воевавший еще в Первую мировую, забрал у раненого пулеметчика старый, давно знакомый «Льюис» с массивным самоварным стволом, и экономно, короткими очередями выпустил три оставшиеся диска. Стрелял он довольно метко. Один из егерей остался лежать на перроне, второй с перебитой ногой забился под вагон и кричал, прося помощи.

Опасаясь пулемета, помогать ему не торопились, но, когда у майора опустел последний диск и он открыл огонь из нагана, кто-то из офицеров крикнул:

– Прикончите его. У русского всего лишь револьвер.

Сунувшийся напролом молодой егерь получил пулю в лицо и, выронив автомат, отполз в сторону. Второй, более опытный, забежал со спины и выпустил длинную очередь. Пнул ботинком умирающее тело, достал из внутреннего кармана документы, а из нагана добил тяжело раненого русского пулеметчика.

– Ну вот и все, – пробормотал он и швырнул наган в траву.

Кроме автомата, егерь имел отличный «вальтер» с удлиненным стволом и не нуждался в древнем револьвере.

Милицейская смена во главе со своим начальником, вооруженная наганами и винтовками, не бросила пост и вместе с комендантским взводом вела бой, пока не закончились патроны. Кто-то сумел уйти, большинство погибли, а двоих милиционеров егеря захватили живыми.

Егеря понесли большие потери, которых не ожидали. Желая показать, что ждет тех, кто окажет сопротивление, привязали двух захваченных милиционеров к решетке изгороди, сунули за пазуху ручные гранаты с длинными деревянными ручками, дернули запальные шнуры и отбежали прочь. Метавшиеся по перрону люди в ужасе шарахались от исковерканных тел с вырванными и раскиданными по перрону внутренностями.

Унтер-офицера раздражали истошные крики, и он с пояса выпустил автоматный магазин в метавшихся людей. Две женщины упали и поползли, оставляя за собой кровавый след.

– Добить сучек? – спросил унтера один из егерей.

– Сами подохнут. У них ни лекарств, ни бинтов нет.

С десантом «белых волков» отряду «Онега» пришлось столкнуться буквально через несколько суток совершенно неожиданно, и наши бойцы на собственной шкуре убедились, с каким подготовленным и сильным врагом предстоит воевать.

Егерей высадили на скоростных катерах для уничтожения крупной базы горюче-смазочных материалов. Точного расположения замаскированной базы немцы не знали, и егеря замешкались. Отряд «Онега» подняли по тревоге пасмурным дождливым днем, посадили на машины и повезли к месту, где уже шел бой.

Хорошо замаскированную базу, баки, врытые в землю, подъездные пути обнаружить с воздуха немцы не сумели. Видимо, их вывел к объекту, хоть и плутая, кто-то из местных агентов.

Охрана, как это часто бывает, состояла из пожилых запасников, долечивающихся раненых и молодняка, набранного в военкоматах в первые дни призыва, пока их не расхватили в линейные формирования.

Небольшой гарнизон так же, как и на станции, оборонялся упрямо, но когда отряд подъехал, то Маркин понял: старикам, молодняку и раненым не удержаться. Вышку с пулеметом перекосило, там лежало мертвое тело красноармейца, торчали ботинки с размотавшимися обмотками. Бойцы сняли тяжелый ДС-39 и перетащили в окоп. Не слишком совершенный, но скорострельный станковый пулемет Дегтярева прижал егерей к земле.

Но это была не та война, к которой готовили этих старательных мужиков и парней. Они и окопы вырыли, как положено, с брустверами, маскировкой и собирались до конца защищать свой пост, азартно опустошая обоймы старых винтовок.

Заклинило затвор пулемета. Задержку долго не могли устранить, продолжая вести огонь из винтовок. Кое-кто готовился к штыковому бою, ожидая, когда фрицы прорвутся в лоб. Однако в лоб никто прорываться не собирался, да и охране не следовало цепляться за свой старательно вырытый окоп. Егеря, хоть и в малом количестве, решали задачи энергично, ударили с флангов, не тратя свои жизни в лобовой атаке.

Свидетелем такого эпизода стал Слава Фатеев. От сторожевой будки застучал автомат, поднимая фонтаны влажной хвои. Били так, для эффекта, ни в кого не попали. Но егерям это было и не надо.

За спинами пригнувшихся красноармейцев приподнялась голова в сером камуфляжном кепи, а в окоп полетели две гранаты. Егерь кидал их умело, с задержкой, рванули они сразу, не дав никому выскочить или отшвырнуть гранату в сторону.

По дорожке, пригнувшись, бежал лейтенант с наганом в руке, придерживая раненую кисть. Наверное, он находился на другом участке и не знал, что здесь происходит.

– Глушак Саня! Ты где?

Подбежал ближе к окопу и отшатнулся. На бруствер выползал сплошь окровавленный боец. И сразу поднялся егерь, который, видимо, немного понимал по-русски.

– Санья здесь... уже подох.

И, показав пальцем на дымившийся окоп, с одной руки короткой очередью свалил лейтенанта.

Егерь в кепи, куртке, высоких шнурованных ботинках увидел Фатеева и, приняв его за нескладного коротышку-охранника, поманил пальцем к себе:

– Брось оружие. Войне конец...

И автомат он держал небрежно, одной рукой, но Слава по напряженным мышцам видел: этот волк успеет выстрелить первым. Обученный, гад! Лейтенанта, почти не целясь, уложил точной короткой очередью в лоб. Вон он лежит, а вокруг головы бурая масса – разнесло макушку разрывными пулями.

Неизвестно, что бы произошло дальше, но Фатеев нашел единственный выход. С трудом ворочая пересохшим языком, покорно согласился:

– Да, конец войне. И Сталин капут.

Нагнувшись, стал опускать ППШ, положил его, не спеша, на землю. Из-за сторожевой будки вышел еще один егерь, который прикрывал напарника. Они обменялись парой фраз, видимо прикидывая, что делать дальше. На считанные секунды внимание к мелкому белокрысому русскому, стоявшему на коленях, ослабло. И Фатеев, прозевавший врага, знал – повторного шанса не будет. Он подхватил автомат и открыл огонь, нагнувшись, с земли, почти наугад.

Егерь упал рядом с окопом. Слава с тоской подумал, что второй фриц его опередит, но бежали на выручку свои, и несколько автоматных очередей скрестились на втором егере. Подошли вместе с Толей Алехиным к окопу, увидели четыре изорванных осколками тела, еще один труп на сторожевой вышке и тело лейтенанта на дорожке.

– Вот так они умеют, – с горечью проговорил Алехин. – Вдвоем весь наш пост за пять минут уложили.

Он снял с пояса егеря чехол с тяжелым ножом, удивился, до чего отточено было лезвие и острие. Такой, если умело метнуть, на десяток шагов насквозь пробьет.

Загорелся крайний бак с горючим. Ели, маскирующие его, вспыхнули, как свечи. Второй бак был неполный и взорвался, разбрасывая сгустки пламени. Из огня выбежал красноармеец, на нем горело все с головы до ног. Он пытался сорвать шинель, но руки не слушались. Боец покатился по мху, оставляя позади себя горящие клочья. От животного крика Афанасию Шишкину стало не по себе.

Кто-то из десантников попытался сорвать шинель, но отскочил с обожженными руками. Неподалеку взорвался еще один бак, и отделение побежало в сторону взрыва. Шишкин обернулся и добил очередь кричащего от боли обреченного человека.

С егерями столкнулись у топливного провода. Двое в куртках и кепи прикручивали к развилке трубы взрывчатку, третий сразу открыл огонь. Пули прошли с недолетом, но уже следующая очередь свалила Алехина. Стреляли друг в друга с расстояния полусотни шагов, в спешке мазали, кого-то ранили. Из пробитой трубы била струя дизельного топлива. Гранаты применять опасались. Афанасий Шишкин поймал на мушку егеря, отползающего от трубы, нажал на спуск. А его товарищ, не видя другого выхода, бросил гранату.

Если бы попал во взрывчатку, накрыло бы всех, но смяло лишь одну из труб, откуда текло дизельное топливо. Алехин Толя подгробал под себя сухую траву, мох, извиваясь от боли. Пули угодили ему в живот. Один из егерей выстрелил из ракетницы в растекающееся озерцо солярки, взвилось неяркое дымное пламя.

Алехина оттащили в сторону, перевязали. Егерь пытался достать группу из автомата, ему мешал охранник с эстакады, стреляя не слишком метко, но отвлекая. Егерь сменил магазин и, обернувшись, точной очередью снял охранника. Хотел сделать шаг в сторону, сменить позицию, но ноги не подчинились. Охранник, из пожилых красноармейцев-запасников, попал в него своим последним выстрелом.

А Толя Алехин, перевязанный, все тянул руки к животу и пытался что-то сказать. Его не слушали, по всей территории нефтебазы шел бой, горели бензин, солярка, машинное масло.

– Толя, все будет в порядке, – нагнулся над ним Слава Фатеев. – Потерпи еще немножко.

– Обманываешь... внутри как огнем жжет, конец мне пришел... домой напиши.

Фатеев кивнул, подхватил автомат и побежал к месту боя. Он уже не мог больше обманывать товарища.

Маркин с группой десантников сумел оттеснить от вагонов с горючим егерей, пытавшихся поджечь их из огнемета. Огнеметчик, видимо, получил команду подползти поближе под прикрытием пулемета и скользнул по канаве к насыпи. Старший лейтенант знал, что дальность огнеметной струи не превышает 50–70 метров. Егерь рисковал сгореть заживо, но упрямо полз вперед.

Фатеев добежал до насыпи, вскарабкался на вагон и открыл огонь сверху, рискуя не меньше огнеметчика. Если вспыхнут цистерны, от обоих не останется головешек. Пуля попала огнеметчику в бедро, он замер, затем сбросил ранец, пытаясь остановить кровь.

Политрук Слобода отжимал егерей к берегу. С одной и другой стороны уже имелись убитые. Егеря дважды переходили в контратаку. Унтер-офицер застрелил в упор десантника из группы Веселкова, на него бросился один из новичков. Опытный егерь с легкостью уклонился от торопливой автоматной очереди и уложил новичка выстрелом в грудь.

– Гранаты! – кричал Слобода. – Огонь гранатами.

Немцы отступали под взрывами, затем их пулеметчик взобрался на крышу будки и открыл огонь сверху. Упал один, второй десантник, ранило в руку Маркина. Фельдшер Аким Рябков упрямо тянул командира отряда в укрытие. Но старший лейтенант обозленно отталкивал его. Он понимал, если егеря снова прорвутся на базу, то доведут дело до конца, а самое главное – взорвут подземное хранилище.

– Слобода, ты где?

– Он за насыпью, – ответил Шишкин. – Там бой идет.

– Собирай всех, и только вперед. Бойтесь, жить хотите? На войне так не получается...

Маркин обессиленно опустился на землю. Рябков вместе с санитаром снял телогрейку и стал бинтовать рану.

Слава Фатеев, ломая ногти, пытался развернуть счетверенную зенитную установку «максимов». Ему помогал лейтенант Костя Веселков и двое десантников. Егеря вывели установку из строя в первые же минуты, расстреляли и забросали гранатами расчет. Но торопились, три ствола уцелели, лишь кожух четвертого продырявило несколькими осколками.

Кое-как ворочался поворотный механизм, Веселков мощным плечом с трудом развернул его. Потом взялись все вчетвером и увеличили градус поворота еще немного.

– В самолет не попадем, а Слободе поможем.

Ударили из трех стволов, пули шли с завышением. Веселков навалился на кожухи всем телом, трассы ударили точнее. Одного из егерей отбросило попаданием сразу нескольких пуль, другой метнулся прочь, едва успев уйти из-под трассы. Неожиданный огонь зенитной установки заставил «белых волков» залечь или скатиться в ложбину.

– Долго не продержимся, – сказал Веселков, показывая на второй ствол, из которого били струйки пара.

Открыл кожух третьего ствола, заглянул.

– Этот вроде целый. Вода есть.

Николай Слобода понимал, что покалеченная зенитная установка долго не протянет. Надо выбивать фрицев, пока есть прикрытие. Бросились дружно. Но егеря, прятавшиеся где попало от пулеметного огня, сразу пустили в ход автоматы. Умело, почти не высываясь из укрытий.

Огонь был настолько плотный, что натиск захлебнулся. Бежавшие впереди десантники были убиты или тяжело ранены. Двое замешкались, топтались под пулями.

– Ложись! – кричали им.

Один, пошустрее, бросился на землю. Другого перехлестнуло через ноги. Он сделал несколько шагов и, свалившись, закричал:

– Спасите, братцы!

Лязгнул и заклинил второй ствол. Фатеев добивал оставшиеся патроны. Знал, что перезарядить покалеченную установку не сумеет. Ну, чего вы медлите? Вперед, пока есть возможность.

Егеря пристрелялись и все чаще попадали в цель. Слобода, не выдержав, надвинул поглубже морскую фуражку и, рассеивая очереди, бросился вперед. Двоих бойцов, поднявшихся следом, свалило пулями на землю. Но политруку везло, лишь рвануло рукав куртки. Поднимались остальные и бежали, уже не обращая внимания на огонь, видя перед собой лица врагов.

Это была не та рукопашная схватка на «Нормане», где разношерстная немецкая команда все же не смогла дать толком отпор. За каждого убитого егеря приходилось платить жизнью десантника. «Онега» впервые столкнулась с таким врагом и в бою постигала стремительную науку десантной схватки.

Такие, как Афанасий Шишкин или Слава Фатеев, не уступали егерям. Крепкий, с квадратными плечами, унтер-офицер сделал ложное движение прикладом, намереваясь в следующую секунду разбить голову светловолосому недомерку. Фатеев уже знал эти штучки, отпрыгнул и кованым прикладом ППШ влепил в висок, проломив немцу кость. Егеря касок не носили, рассчитывая на свою ловкость и большой опыт.

Афанасий Шишкин, бросившийся преследовать егерей, перехватив ствол вражеского автомата, резко крутнул его, выворачивая немцу кисти, и сшиб мощным толчком с ног. Щадить врага он не собирался, ударил сапогом в голову и сцепился со следующим егерем.

Спортивный, светловолосый лейтенант из «вальтера»-автомата свалил одного, затем второго десантника. В магазине пятнадцать патронов, а лейтенант славился своей меткостью. Кто следующий? Громоздкий взрывник Костя Веселков, которого берегли и взяли с собой лишь из-за большой нехватки людей, оказался под прицелом. Лейтенант, кажется, усмехнулся – туповатым и напуганным показалось ему широкое лицо русского командира с кубиками на петлицах.

Костя действительно испытал страх, выжимающий пот со лба. Он видел, как за считанные секунды лейтенант с легкостью прострелил головы двум парням из пополнения. Наверное, разрывными пулями, потому что вылетали осколки костей и комки мозга.

Такая же судьба ждала Веселкова, сапера, совсем не привыкшего к рукопашным схваткам в упор. Но бойцы отряда «Онега», сцепившись в тот день с егерями «Севера», сами того не осознавая, прошли жестокий курс обучения, когда сознание выбирает самый короткий и эффективный путь, чтобы победить.

Может, именно страх ускорил реакцию не слишком разворотливого сапера, но ствол американского «томпсона» взлетел мгновенно, и крупнокалиберные пули снесли с лица егеря-лейтенанта не только улыбку, но и само лицо.

Егеря не побежали, но старший из них, видимо, понял, что снова прорваться к базе не удастся. Плотный огонь вели не только десантники, но и подтянувшиеся охранники со своими старыми винтовками. Егеря начали отход к бухте быстрыми короткими перебежками, прикрывая друг друга огнем.

Маркин видел, как десантники, бросившиеся преследовать егерей, снова начали нести потери. Трое-четверо егерей бегло и довольно метко стреляли из автоматических винтовок с емкими магазинами сбоку. Преследование пришлось прекратить, но старший лейтенант собрал на этом участке два уцелевших ручных пулемета и «максим». Маркин уже не спешил. Подозвал Шишкина и приказал ему:

– Ты у нас лучший стрелок. Видишь этих егерей с новыми винтовками? Я прикажу пулеметчикам сосредоточить на них основной огонь, а ты возьми у охранников трехлинейку и выбивай их по одному.

Никита Васильевич Маркин тоже кое-чему научился. Три пулемета били по одному участку, вызвав суету. Некоторые егеря вскакивали и, делая слишком длинные перебежки, попадали под пули. Шишкин сумел подстрелить двоих егерей с автоматическими винтовками, еще один угодил под пулеметную очередь. Прикрытие ослабло, и егеря бежали к катерам, причаленным у пирса.

Моторы молотили на холостом ходу, пока егеря втаскивали раненых. Кормовые крупнокалиберные пулеметы заставили десантников залечь. Оба катера, взревев двигателями, развили полный ход. Вслед им стреляли, но, описывая виражи на высокой скорости, катера уходили все дальше в море.

Плотный огонь с берега догнал один из катеров, повредил мотор. Судно окуталось дымом, замедлило ход и двигалось рывками. Маркин видел, как свалился в воду один из егерей, замолк крупнокалиберный пулемет на корме. Добить катер не удалось, он отошел слишком далеко от берега, и в цель попадали лишь немногие пули.

Второй катер, описав круг, бросил буксирный трос и потащил раненого собрата. Стрелять уже не имело смысла, катера удалялись все дальше и дальше, побитые пулями, увозя уцелевших в бою егерей.

– Вот тебе и «белые волки», – сплюнул Маркин. – Бить их надо и по сторонам не оглядываться.

Политрук Слобода дрожащими пальцами прикуривал папиросу. Рядом лежал автомат с опустошенным диском. Политрук выпустил весь боезапас, расстрелял даже обойму пистолета.

– Хорошо повоевали, – переводя дыхание, сказал он. – Не думал, что живым выберусь.

Бойцы ходили между телами убитых егерей. Удивлялись добротной экипировке. Легкие куртки на гагачьем пуху, шерстяные свитера, высокие шипованные ботинки. И кормежка не в пример нашей. Яркие баночки с тушенкой, паштетом, куски копченой ветчины в целлофане, шоколад.

С опаской рассматривали баночку с кольцом. Политрук прочитал надпись. Оказалось кофе, которое нагревается за счет химической реакции. Попробовали одну-другую баночку крепкого горячего кофе со сливками.

– Вот сволочи, чего только не выдумают!

Маркин вместе с Шишкиным рассматривали трофейную винтовку с магазином слева на 24 заряда. Это была автоматическая винтовка, больше напоминающая компактный пулемет, ими вооружали десантников и парашютистов.

– Три штуки, – сказал Фатеев. – Себе бы забрать.

– Новое оружие, штаб не отдаст. Одну штуку тайком, может, и приныкаем.

Из-за нехватки автоматов брали трофейные. Но лучше бы отечественные... Звук выстрелов ППШ и МП-40 резко отличается, можно поймать гранату от своих, если тебя не разглядят.

– Наломали мы им бока, – хвалился кто-то из бойцов, примеряя ботинки.

Ему показали рукой в сторону догоравших цистерн, которые тушили приехавшие пожарники. Тихо умер разведчик Толя Алехин. Его отнесли в сторону. Фельдшер Рябков возился с другими ранеными и восклицал:

– Господи, половина людей разрывными пулями ранены! Вот тебе и викинги – благородные воины.

Ввел ампулу морфия парню, извивающемуся от боли.

– Вторая доза уже, – пояснил он. – Кишки, как дробью, изрешетило. – Может, хоть сейчас заснет.

– И не проснется, – хмуро добавил Маркин. – Это называется «победили».

Рябков, мягкий по характеру, показал старшему лейтенанту на пожилого охранника.

– Жене, наверное, в письмах писал, что в тылу устроился, выживет. А у него малую берцовую кость в куски раздробило. И кровотечение сплошное. Через час-два преставится мужик.

– Ну, делай что-нибудь, – раздраженный болью от собственной раны, крикнул Маркин.

– Кость пилить надо, осколки удалять, ампутацию, в общем, проводить.

Фельдшер не имел на это полномочий, все же он был не хирург. Но его окружили со всех сторон, а Фатеев протянул остро заточенный шведский нож, доставшийся ему как трофей.

– Пилка еще нужна, – попросил фельдшер.

– Найдем.

Охранник пришел в себя и с ужасом слушал разговоры об ампутации, ноже и пилке.

– Дайте хоть умереть спокойно, – попросил он ослабевшим от потери крови голосом. – Не мучайте, Христа ради.

– К семье вернуться хочешь?

– Хочу.

– Тогда терпи. Тут на полчаса всех делов. А для обезболивания стакан водки нальем.

– Лучше два. Боюсь я...

В этот момент земля вздрогнула, а метрах в пятистах взвился огненный гриб.

– До подземного хранилища добрались, – сказал сержант из охраны. – Полторы тысячи тонн бензина.

Горячий вихрь крутил клочья травы, мха, отчетливо слышался рев огня. Крупные бело-черные кайры сотнями кружились над скалами, они тревожились за недавно отложенные яйца.

По склону хребта медленно шли трое егерей. Обернувшись, один из них сделал двумя пальцами знак в виде латинской буквы «V» – виктория, – мы все же победили, горячее для ваших кораблей, танков, машин уходит в небо.

– Так че с парнем делать? – напомнил Рябков, дергая Маркина за рукав.

– Оперировать. – И повернулся к Шишкину, все еще державшему в руках автоматическую винтовку. – Брось ее на хрен, возьми трехлинейку. Достанешь этих троих?

– Вряд ли. Далеко слишком.

– Попробуй, Афоня. Не дай им безнаказанно скрыться да еще насмехаться над нами.

Огонь, пробив стены подземного бензохранилища, ревел, выкидывая огромные языки пламени. Рябков с санитарями и добровольными помощниками подступил к охраннику с раздробленной ногой. Шишкин вздохнул и принял протянутую винтовку.

– Бой точный, не сомневайся, – заверил его владелец. Ты только на высоту поправку сделай, не забудь.

– Не забуду, – буркнул Афанасий.

Кроме него в удаляющуюся троицу стреляли и другие.

– Бросьте, – прикрикнул Шишкин, – мешааете только.

У сержанта было отличное зрение, и он хотел видеть попадания своих пуль. Тройка егерей, выбравшись из боя, где полегла половина их товарищей, знала, что отомстила за них, уничтожив самое крупное бензохранилище. То один, то другой поворачивался и показывал на пальцах – мы все же победили.

Возможно, они насторожились, когда Шишкин, подняв планку до нужной отметки, выстрелил и пуля подняла фонтанчик щебня. Второй и третий фонтанчики ударили ближе. Тройка ускорила шаг и перестала поднимать пальцы, тревожно оглядываясь назад.

Четвертая пуля ударила егеря в бедро, завалив на бок. Рана была серьезная, встать сам он не мог, его подняли товарищи и потащили на себе. Теперь они представляли тесную уязвимую кучку, по которой снизу открыли дружный огонь.

Слишком большое расстояние рассеивало пули. Чтобы спастись, двум егерям следовало бросить тяжело раненного товарища и убегать. Но они этого не сделали, и одна из многих пуль попала во второго егеря. Идти и помогать остальным не хватало сил, наверное, поймал пулю в спину. Он упал.

Уцелевший из троих егерей открыл беспорядочный огонь, грозя кулаком в сторону русских. Маркин послал группу наверх. Пока десантники взбирались на гору, там приняли решение. Фатеев, ходивший во главе группы, вернувшись, доложил:

– Раненые застрелились, или третий их прикончил. Вот автоматы трофейные.

– Ладно, иди, собирай людей.

Нефтебаза выгорела на три четверти. На месте боя обнаружили трупы около двадцати егерей. Определить количество точно было невозможно, многие тела сгорели дотла. Потери отряда оказались примерно такие же, но если приплюсовать к ним погибших красноармейцев из охраны, то егеря группы «Север» взяли за каждого своего убитого по три русских жизни.

За потери Маркину ничего не высказали, молча приняли рапорт. Досталось за сгоревшее бензохранилище.

– Мы из Америки бензин возим, а вы его здесь сохранить не можете.

Замечание было не совсем справедливым. Десантники вступили в бой, когда егеря уже пробились на территорию и начали поджигать баки. Зевнула охрана, а может, не хватило умения противостоять волчьей хватке егерей. Но и они свой долг выполнили – почти все охранники остались на выжженных склонах.

Командир бригады Юшин хлопнул Маркина по плечу.

– Учись. За битого двух небитых дают. Хотел капитана присвоить, но, вижу, еще рано. Двадцать егерей тоже не шутка, они себя под пули не подставляют.

А командир взвода немецких егерей докладывал об операции своему начальству.

– В какую форму была одета охрана? – спросил он.

– В обычную армейскую. Рванье. Ботинки с дурацкими обмотками, мятые шинели. Кроме винтовок и наганов у них имелось несколько пулеметов, в том числе один зенитный счетверенный. Были также их полицейские – милиционеры. Оборонялись упорно, хоть и неумело. Основные потери мы понесли от морских пехотинцев. Их перебросили на помощь в разгар боя, эти воевали умело и энергично.

– Я думал, морских пехотинцев мы перебили еще в прошлом году.

– Я тоже так считал, господин капитан. Но они появились снова: черные куртки, большое количество автоматического оружия.

Капитан закурил длинную сигарету с золотым ободком, другую предложил командиру взвода.

– С вами был лейтенант из разведки. Если он попал в плен, у нас будут неприятности.

– Его убили. Очевидцы рассказывают, что он отстреливался до последнего. Его застрелил громадный русский лейтенант из автомата «томпсон». У того калибр одиннадцать с половиной миллиметров, разнес голову на части.

– Слава богу, что не попал в плен. Хотя, конечно, жаль парня.

– Я видел их начальника, – продолжал командир взвода. – Тупое лицо со щербинами, наверное, переболел в детстве оспой, но не подохо. Ходят слухи, что русские создали специальный отряд морской пехоты вроде наших егерей. Наверное, с ними мы и столкнулись. Но, поверьте, господин капитан, мы их тоже хорошо пощипали.

– Я тоже слышал об этом отряде. Жаль, что не захватили пленных.

– Не до этого было. Мы отступали под огнем. Они сумели подбить даже один из наших катеров.

Командир взвода нервничал. Он уходил на подбитом катере. Рядом лежали раненые и убитые, палуба была залита кровью. Русские продолжали вести огонь, не слишком точный на таком расстоянии, но довольно плотный. На глазах лейтенанта пулей в лицо срезало командира крупнокалиберного расчета. Он бился в агонии, а рядом сидел его помощник с простреленным плечом. Тогда лейтенант сам встал к пулемету, хотя вести огонь на таком расстоянии не имело смысла. Капитан, угадав подавленное настроение подчиненного, смелого, старательного парня, положил ему руку на колени.

– Не переживай так, Пауль. Задание ты выполнил, а война без жертв не бывает. Подготовь представления на отличившихся. Ты будешь тоже награжден. А с этим отрядом фанатиков мы еще встретимся. Пусть не думают, что они умнее нас.

Оставшийся на русском берегу сапер в чине унтер-офицера двое суток прятался в прибрежных скалах. Старый служака, прошедший Польшу и Францию, он не падал духом. Задание его отделение выполнило, взорвало подземное хранилище, хотя целиком погибло. У унтер-офицера имелся автомат, небольшой запас еды. Он видел цепи красноармейцев и милиционеров, прочесывающих скалы, и умело прятался, заползая в расщелины.

Вступать в бой было бессмысленно, патронов оставалось немного. На третий день унтер-офицера контузили. Один из красноармейцев потоптался у расщелины, пытаясь разглядеть, есть ли там кто-нибудь. Влезть не сумел или не рискнул и швырнул гранату. Унтер-офицера спасла лишь случайность, граната уткнулась в камень и взорвалась в двух метрах от головы. Егерь потерял сознание, а когда пришел в себя, со страхом ощупал корку засохшей крови, вытекшей из ушей. Он почти оглох, но знал, что ему повезло. Перекатись граната через камень, унтер-офицеру разнесло бы голову.

На пятый день, когда поиски прекратились, он вышел на берег, где выследил старика-рыбака с мальчишкой. Они готовились выйти на рыбалку в море и загружали сети в небольшую шлюпку. Оба застыли от неожиданности, когда перед ними возник долговязый

немец в изодранном мундире, с лицом, покрытым коркой крови. Унтер умел немного говорить по-русски и приказал:

– Всем в лодку. Поплывем. Садитесь за весла.

Старик и мальчик торопливо гребли, а немец жадно пил воду из жестяного бидона и жевал вязкий серый хлеб, отрезая кусочки желтого, пахнущего свечкой сала. Старик и мальчик гребли весь день. К вечеру унтер-офицер почувствовал, что засыпает. Он боялся старика. Тот наверняка догадывается о своей будущей судьбе и, уловив момент, может обрушить весло на голову.

– Когда доплывем, я вас отпущу, – пообещал унтер.

– Куда доплывем? – угрюмо спросил старик.

– Туда... нах вест.

– Ясно.

Стемнело. Оставаться полусонным лицом к лицу с русскими становилось опасно. Унтер-офицер приказал обоим перебраться на корму. Старик, кряхтя, стал подниматься со скамейки, опустился снова и виновато проговорил:

– Сейчас, гер офицер. Радикулит, тело не гнется.

– Быстрее, – торопил его унтер.

Давняя привычка быть всегда настороже с врагом спасла немца. Старик с неожиданным проворством выдернул весло из уключины и замахнулся. Русскому не хватило секунды. Егерь нажал на спуск, длинная очередь пробилась тело, но столько ненависти и злобы оставалось в умирающем теле старика, что он все же опустил весло. Тяжелая лопасть, обшитая жестью, способная раскроить голову на две половинки, врезалась в носовую скамью рядом с унтер-офицером. Он снова нажал на спуск, торопясь погасить в старике остатки жизни.

Мальчишка сжался в комок и сквозь растопыренные ладони с ужасом смотрел на немца.

– Дяденька, пощади. Я буду тихо сидеть.

В магазине автомата оставалось всего несколько патронов, и тратить их егерь не хотел.

– Прыгай в воду! Быстрее!

– Не надо, дяденька. Вода холодная, утону.

– Считаю три раза, затем стреляю. Один... два...

Мальчишка заплакал, не сводя глаз с автоматного зрчка, неуклюже перевалился в воду. Но никуда не поплыл, а вцепился в борт, продолжая плакать. Лодка опасно раскачивалась. Егерь выстрелил парню в голову, затем кое-как спихнул за борт тяжелое тело старика. Под ногами хлюпала кровь, ее было очень много.

Мальчишка исчез под водой, а тело старика покачивалось рядом. На егеря вдруг навалилась усталость, грести он не мог, опустился на слани и заснул.

Унтер-офицера утром подобрал немецкий катер. Матросы разглядывали пропитанный кровью, изодранный мундир, корку крови на щеках. Кто-то отсоединил магазин автомата и проговорил:

– Здесь всего три патрона осталось. Кажется, этот парень неплохо повоевал.

Что-то ответить у «белого волка» не оставалось сил. Ему оказали первую помощь, перевязали голову, влили в рот стопку крепкого рома и укрыли теплым одеялом.

– Спи, – сказал кто-то из матросов.

А другой позавидовал:

– Повезло парню. Недели две в госпитале отвалывается да еще отпуск домой получит.

– Ты тоже можешь получить. Сходи разок-другой к русским в тыл.

– Нет уж, спасибо. Говорят, егеря потеряли половину взвода и кое-как выбрались.

Сон к унтер-офицеру не шел. Он не испытывал каких-либо переживаний, что убил десятилетнего мальчишку. В день нападения на русские топливные склады, и пробираясь к подземному хранилищу, он застрелил не менее семи-восьми красноармейцев. Они были не обучены,

не умели уходить от пуль, стреляли неточно и падали один за другим, роняя свои длинные винтовки и игольчатые штыки.

Затем положение изменилось. Пришла морская пехота, но хранилище с огромными баками егеря успели взорвать. Снайпер из морских пехотинцев тяжело ранил двух подчиненных унтер-офицера, и он с легкостью добил их. Он привык нажимать на спусковой крючок, и получилось все просто. По крайней мере, егерь избавил камрадов от пыток и мучений. Говорят, русские убивают пленных ударами штыка в мочевого пузыря или вколачивая стреляные гильзы в голову. Варвары!

Унтер-офицер забыл, как в Польше, будучи еще рядовым, он вызвался на расстрел евреев и уложил из пулемета не меньше сотни голых напуганных иудеев: мужчин, женщин, детей. Причем стрелял вначале в живот или в ноги и лишь затем добивал. Ему доставляло удовольствие видеть мучения людей.

Ему везло. В него стрелял и промахнулся снайпер из морской пехоты. Граната взорвалась, не докатившись до головы. Лодку не перевернуло волнами, и вовремя подвернулся катер. Повезло и под Москвой, когда он ковылял с простреленной ногой по обледенелой дороге и его не подобрал грузовик. Он бы замерз на тридцатиградусном морозе и остался среди скрюченных тел на обочине. Но грузовик застрял в низине. Пока его выталкивали, унтер догнал машину, вскарабкался в кузов, и никто не посмел вытолкнуть его, в обмороженной руке он держал «парабеллум», а глаза выражали нескрываемую злобу и готовность биться за свою жизнь до конца.

Ему везло. Но долго ли будет длиться везение на этой дикой бесконечной войне?

Глава 4

Ох, девушки, война, война...

Небольшой хор из семи девушек-зенитчиц от души исполнял эту грустную песню, сложенную в начале войны. В этой песне есть такие слова, и пела ее когда-то моя мать, которой исполнилось в 1941 году пятнадцать лет:

Ох, девушки, война, война, от моря до Урала,
Ох, девушки, война, война, а молодость пропала...

Зенитчицам хотелось понравиться морякам и морским пехотинцам, собравшимся в бревенчатом поселковом клубе. Аккомпанировал на баяне десантник Саша Кучеренко из недавнего пополнения.

Он был сейчас в центре женского внимания, кудрявый, в отглаженной форменке, сквозь отвороты которой проглядывала тельняшка, начищенных до блеска ботинках. Потом исполнили еще несколько песен, грустных и веселых, закончив небольшой концерт «Катюшей», которую, не выдержав, уже отплясывали самые азартные.

Закончив «Катюшу», хор раскланялся. К стенам отодвигались скамейки – будут танцы. Концерт – это так, вступление, а танцы – вещь важная, здесь решаются многие сердечные дела.

Не может же Слава Фатеев подойти просто так к связистке Маше Воробьевой и предложить познакомиться. А медленное танго для того и существует, чтобы, обняв девушку за талию, намекнуть о своих чувствах.

Афанасий Шишкин не терялся, уже подцепил сразу двоих зенитчиц и сыпал им комплименты. Те смеялись так азартно, что Слава даже удивился – чего смешного мог выдать им не слишком остроумный Шишкин, который, кроме своей деревни, реки да леса, ничего не видел. Хотел подойти, но вспомнил про Машу Воробьеву и остался в компании Гриши Чеховских, который недавно выписался из санбата после ранения в ногу.

Другим в бою возле нефтебазы повезло меньше. Кто-то умер после тяжелых ранений в госпитале, а тому парню, который поймал разрывную пулю, оттяпали ногу до колена.

– Скоро дома будет, – завистливо сказал Гриша Чеховских... – На костылях, зато живой. Плотничать и без ноги можно. У нас бондарь без ноги такие бочонки для рыбы делает – заглядишься.

– Завидуешь, что ли, безногим? – усмехнулся Фатеев. – Жалеешь, что тебе пуля только мякоть пробила?

– Чего им завидовать? Только устаешь рядом со смертью ходить.

– Ладно, хватит ныть. Как тебе Машка Воробьева?

– Ничего. Задница, грудь в порядке. Что, подкатить хочешь?

– Хочу, – подтвердил Фатеев.

Гриша промолчал, лишь скептически оглядел малый рост друга – Машка девка капризная, да, кажись, встречается с кем-то. Ладно, пусть Славка сам разбирается.

После боя на нефтебазе состав отряда снова пополнили. Занятия, патрульная и постовая служба. Нудновато, но лучше, чем снова воевать с егерями.

Кучеренко, тряхнув длинными, не по уставу, кудрями... вывел первые звуки красивого вальса «На сопках Маньчжурии». Вальс умели танцевать немногие, больше слушали да смотрели, как политрук Николай Слобода кружится с высокой красивой медсестрой Алей Величко. Говорят, у них роман или что-то вроде этого. Ну и что, если война, про все остальное можно забыть? Может, они поженятся.

Подражая им, топтались и путались еще две пары. Политрук Николай Слобода подбадривал бойцов отряда:

- Чего жметесь по углам? Смелее девушек приглашайте, пока другие не расхватали.
- Мы вальс не умеем, – ответил кто-то. – У нас в деревне все под гармошку пляшут. Над простодушной «деревней» дружно посмеялись, а Гриша Чеховских крикнул:
- Учитесь, если бы не нога, я бы вам показал.

Впрочем, Гриша лишь хвалился, он умел лишь топтать ногами в такт гармошке после выпитого самогона. Кучеренко сделал вид, что устал, собираясь достать папиросы. На него зашипели:

- Давай играй.
- Танго давай... «Утомленное солнце».

Саша не только играл, но и неплохо пел. Под звуки грустного танго о прошедшей любви девушек приглашали наперебой. Шаркали ногами, хоть и невпопад, но от души, положив руки на талии подруг и обмирая от прикосновения тонких пальчиков к ладоням.

Танцевал и Слава Фатеев. Не хуже других (как ему казалось), прижимая талию Маши Соловьевой. Оказалось, что связистка на полголовы выше Фатеева. Не так и много, если пристать и вздернуть бескозырку с мужественной золотой надписью: «Северный флот».

Но Маше что-то не нравилось. Может, что кавалер пониже ее, а может, просто ломалась. Надо веселить девушку. Рассказал короткую смешную историю, как однажды на Волге загнали плот на поповский огород. Смешно ведь! Поп кричал, антихристами обзывал, а попадья смеялась. Бывают же такие случаи! Сосновые бревна на грядках.

Слава от души рассмеялся, а Маша только губы оттопырила.

– Вам не прохладно? – деликатно проявил заботу Фатеев и, вроде согревая, прижал ее к себе, ощутив на секунды мягкую грудь.

Но только на секунды. Ефрейтор Соловьева резко отодвинулась и, судя по всему, находилась в неважном настроении.

– Концерт душевный был, – выжимая улыбку, сказал Слава. – У нас Сашка и поет, и играет классно. Он, кстати, в моем отделении.

Танец закончился. Фатеев почувствовал, как взмокло от пота лицо. Когда встали в кружок покурить, здоровяк Шишкин хвалился:

– У меня все на мази. Прижму Иришку, у нее аж глазенки закатываются. Гулять после танцев пойдем, ну и прочее...

Кто-то тоже похвалился, что завел неплохое знакомство и пойдет провожать девушку. Только Слава молчал и сопел. Подошел политрук Николай Слобода. Его хохлацкое красивое лицо с черными бровями пересекали несколько шрамов. Слава ему завидовал – имел бы он такие шрамы, мог бы похвалиться. А то нашел, чем девку удивить – баянист в его отделении служит.

– Ты чего, Славка, хмурый? – хлопнул его по плечу политрук.

– Да его Машка Воробьева отшивает, – простодушно сообщил Гриша Чеховских.

– Ну, если не пришелся девушке по вкусу, то нечего время зря терять, – посоветовал политрук.

Славка зыркнул на него коротко и неприязненно. Нацепил петлицы со звездой и фуражку с крабом, да еще и пистолет трофейный в кобуре. От кого тут обороняться? Слобода – политрук роты, а Фатеев всего лишь командир отделения, хоть и разведки. Вот и выделяется. Славу немедленно поддержал Афанасий Шишкин:

– Не так глянула, сразу и отваливать? Морская пехота не отступает. Славка с егерями один на один схватывался, а тут связистка-ефрейторша. Обломаем!

– Не надо никого обламывать, – спокойно, но уже в тоне приказа посоветовал Слобода.

Славка разозлился окончательно. Его командир отряда Маркин на все совещания приглашает, советуется. И с политруком всегда дружили, а тут решил показать власть – с кем можно встречаться, а с кем нельзя.

– Не надо на танцах командовать, – четко проговорил старшина второй статьи Фатеев. – Это не политзанятия.

– Ты чего, Славка? – удивился Слобода.

– А то, что нечего себя большим командиром выставлять и везде с приказами лезть. Я в разведке служу, у меня Маркин командир.

Политрук растерялся. Он смело вел себя в бою, ладил с ребятами, но чувствовал: сейчас все бойцы на стороне упрямого и взъерошенного разведчика.

– Давай танго, – хрипло сказал Фатеев, кивнув баянисту. – «Утомленное солнце нежно с морем прощалось!» Десант не отступает.

Много позже Фатеев будет ругать себя за дурацкое упрямство. Стыдиться, что полез на рожон перед Николаем Слободой, который никогда не выпячивал зря свою должность, а в политдонесениях не цеплялся к мелочам и неосторожно сказанным фразам. Видел, что не надо связываться со смазливой и капризной Воробьевой. Вторая попытка закончилась еще хуже.

Маша Воробьева танцевать со Славой пошла. Угадала по лицу, что парень на взводе. И он не новичок, над которым лишь посмеются, а командир разведки десантного отряда, с которым вести себя надо поосторожнее.

Но когда Фатеев снова слегка обнял ее, она резко оттолкнула его:

– Цирк, – скривила губы она. – Вы, товарищ старшина, на голову ниже меня. Мы как два клоуна, неужели не понимаете? И эти ваши рассказы про поповские огороды и плоты на Волге. Что, смеяться прикажете? – И набрав в пухлую грудь воздуха, прошипела, как гусыня: – Не привязывайтесь ко мне больше. Вам же политрук ясно намекнул.

У Фатеева не хватило духу оттолкнуть девушку, они топтались до конца мелодии, а затем разошлись в разные стороны. Конечно, дело было не в росте, просто Слава ей не понравился, а назойливость вывела из себя.

Когда отошли покурить, лейтенант Веселков сочувственно сказал:

– Ничего, найдешь другую подружку.

Фатеев ничего не ответил и пошел в казарму.

Другим везло больше. После танцев политрук Слобода пошел прогуляться с Алей Величко. Гуляли недолго, переглянулись и отправились в землянку медиков. Помощница медсестры понятиливо убралась, а красивая Аля бессильно шептала, не мешая Николаю раздевать себя:

– Пропаду я с тобой... ты ведь женатый.

– Брось об этом, Алечка. Я тебя люблю, а это главное.

Проходивший мимо фельдшер Рябков услышал стоны, покачал головой и неодобрительно пробормотал:

– Развлекается политрук, пока жена далеко. Ну-ну...

И Афанасий Шишкин, расстелив на молодой траве морпеховскую куртку, гладил шершавой ладонью пухлую грудь зенитчицы Иришки и ласково говорил:

– Вы, как конфетка, сладкая. Так бы и съел.

Иришка, обмирая от желания, шептала:

– Не надо меня есть... хорошо с вами, вы такой ласковый.

Судя по всему, сопротивления с ее стороны не предвиделось.

– Давай ремешок снимем, – как змей-искуситель, шептал Афанасий.

– Какой вы быстрый, – вздыхала Иришка.

Впрочем, ремешок был уже снят, и настала очередь юбки. Иришка делала вид, что не замечает ничего, и бессильно откинулась на спину.

Даже смурной пулеметчик Гриша Чеховских увел на дальний холм некрасивую рябоватую зенитчицу и деловито докладывал ей:

– Я парень холостой. К кому сердце ляжет, на той и женюсь.

Зенитчица, не питавшая иллюзий насчет своей внешности, скромно отвечала:

– Вы небось красавицу ищите, а я женщина невидная да еще ребеночка имею. Муж в сорок первом погиб, вдова, значит. Тоже свободная.

– Девочка или мальчик у тебя?

– Мальчик, три года.

– Это хорошо, я детей люблю.

– Серьезный вы мужчина. Мне такие по душе, – призналась рябая зенитчица, ожидая, когда кавалер приступит к более решительным действиям.

Ждать ей пришлось недолго, уступила она легко и просто, вздыхая и постанывая. Когда простились, с надеждой спросила:

– Увидимся еще?

– А как же, – бодро отозвался Гриша, стараясь не глядеть на рябое лицо, которое ему не нравилось. – Правда, нога у меня раненая, ходить тяжело.

– Я травами полечу, – обещала случайная подруга.

– Тогда увидимся... если командир отпустит. У нас ведь в отряде дисциплина строгая.

Особые задания выполняем.

Ребята возвращались в землянку за полночь. Смеялись, обменивались впечатлениями.

Слава Фатеев проснулся и цыкнул на кавалеров:

– А ну спать. Подъем в шесть ноль-ноль.

Морпехи посмеивались в кулак и шептались:

– Не обломилось старшине, вот он и злится.

– Не надо было к Машке Воробьевой лезть. Она же только с командирами дружбу водит.

Политруку «Онеги» Николаю Захаровичу Слободе недавно исполнилось двадцать шесть лет. Он не на шутку увлекся красивой Алей Величко и старался не думать о будущем, когда предстоит решать, возвращаться к жене или уезжать куда-то с Алей.

Вежливый и всегда подтянутый, Николай производил впечатление человека, у которого жизнь катилась как по маслу: приличные родители, хорошая школа, университет, курсы политработников, работа в политотделе, а затем престижная должность в спецотряде «Онега». Как политрук, он мог не ходить на боевые операции, а лишь инструктировать моряков.

Но Слобода без колебаний пошел в рискованный рейд по уничтожению «Нортон» и не просто подбадривал десантников, а был в гуще боя. Сыграл свою роль и твердый, независимый характер, и вся его предыдущая жизнь, которая была совсем не такая гладкая, как многим казалось.

По этой причине он не прижился в политотделе, с усмешкой читая присылаемые из Главного управления материалы, которые следовало доводить до краснофлотцев. Там было слишком много лжи, пустословия, описания раздутых подвигов. Он своими словами старался изложить идеалы, ради которых люди пойдут завтра на смерть. Убедить вчерашних крестьян в необходимости самопожертвования оказалось не просто. Они готовы были сражаться. Но тяжелым грузом висела коллективизация, изнуряющая работа в колхозах за палочки – трудодни и отсутствие какого-либо просвета в будущем.

Для кого война, а для кого мать родная. Большинство коллег Николая в политотделе, особенно руководство, существовали очень неплохо.

Николая коробило, когда потасканные жизнью майоры и полковники принуждали к сожительству телефонисток, вчерашних школьниц. Когда старший делопроизводитель наградного отдела расхаживал с двумя орденами на груди, хотя дальше столовой от штаба не удалялся. Слобода мог съязвить по этому или другому поводу, не обращая внимания на чины.

Это раздражало начальство, и хотя Николая ценили за исполнительность и готовность хоть днем, хоть ночью выехать на передовую, от него избавились, направив политруком во вновь созданный отряд «Онега», по существу, небольшой взвод. Это считалось существенным понижением в должности, хотя перевод обставили множеством громких слов и напутствий.

– Через год вся грудь в орденах будет, – восклицали коллеги, явно лицемеря.

Слобода собрал нехитрые пожитки и отправился к Маркину. Ему было не привыкать. Жизнь покидала бывшего студента по всяким колдобинам не меньше, чем поселкового шпаненка Славу Фатеева.

Да, была приличная квартира в центре города, отец – солидный хозяйственник, хорошая школа, выезды на летнюю дачу, затем университет. Будущее виделось в радужном свете. Но все изменилось в один миг.

Отца Николая обвинили в каких-то политических ошибках и, как сейчас говорят, репрессировали. В исторических телевизионных передачах, где без устали ворошат кости Сталина, слово «репрессия» подразумевает расстрел или долгие годы лагерей. Это не совсем так.

Долгое время гуляет цифра о 40 тысячах погубленных (расстрелянных, сгинувших в лагерьях) лучших военачальников. Каково было мое удивление, когда один из главных телеканалов в полнометражном документальном фильме «22 июня» открыто расшифровал эту цифру. Было расстреляно в ходе чистки около трех тысяч военных, сколько-то отправлено в лагеря. В число 40 тысяч включили также уволенных командиров, пониженных в звании и должности, получивших строгие взыскания. Но я не буду лезть глубоко в политику, речь идет о политруке Николае Захаровиче Слободе.

Отца вызвали раз и другой в НКВД и комиссию партийного контроля, он признал свои ошибки. Арестовывать и судить его не стали, но исключили из партии и сняли с высокой должности. Через два дня семья освободила просторную квартиру и переселилась в древний рассыпающийся дом на окраине, получив одну комнату на шестерых. Культурная бабушка Николая всплеснула руками:

– Куда же пианино ставить?

Соседка злорадно посоветовала:

– Вы его продайте да курей купите. У нас мусора полно, всегда прокормятся, а у вас свежие яйца будут.

– Что же, куры мусор клевать будут, а мы после этого их яйца есть будем? – растерянно говорила бабушка. – Так и заразиться можно.

– Ничего, не помрете, – посмеивалась ехидная соседка. – И в график дежурств заглядывайте. У нас тут четыре семьи, раз в четыре дня вам надо мыть кухню, коридор и лестничную площадку. Вот так-то.

Мать плакала, сестренки как сцепились пальцами, так и застыли. Лишь отец, прошедший ссылку и Гражданскую войну, играл желваками на скулах. Слово в насмешку, бывшему члену горкома партии, а теперь лишенцу, отцу предоставили должность управдома, которых во всех фильмах изображали в роли шутов. Мать уволили из музыкальной школы, а Колю вскоре отчислили из университета.

Придирались, провоцировали, пока он вгорячах не наговорил разных ненужных вещей. Ну и пошел трудиться. На хороший завод или в приличную мастерскую не брали. По разнарядке полтора года работал землекопом на рытье обводных каналов. В отличие от шпаненка Славки Фатеева входил в незнакомую социальную среду тяжело.

Его новые приятели, в основном запойные работяги и бывшие уголовники, приходили с тяжкого похмелья, хлебали добытый где-то самогон или денатурат и приступали к работе. Скандалили, дрались, ненавидели власть. Первое время издевались над неудавшимся студентом. Он дал отпор, и отношение изменилось. Выручало упрямство и унаследованная от отца решительность.

Обматывал стертые до крови ладони тряпьем и, как автомат, выбрасывал наверх положенные кубометры земли и камней. Обед состоял из нескольких холодных картошек, уложенных в детскую кастрюльку, бутылки молока и ломтя хлеба. О вкусных домашних котлетах и сосисках из отцовского спецпайка давно пришлось забыть.

Пианино, мокнувшее под навесом, пришлось продать. Купили по совету соседней несколько кур, петуха и кормили яйцами всмятку двух болезненных младших сестер. Иногда яйцо или два мать клала Николаю, хотя тот отказывался.

Землекопы, те, которые хорошо запивали, насчет обеда не заботились. Продолжалась опохмелка. Закуску выпрашивали у других рабочих.

– Эй, Колька, кинь пару картофелин.

Коля бросал, иногда добавляя помидор или огурец с домашнего огорода.

– Хлебнешь с нами? – выражали признательность алкаши.

– Нет, я лучше молока попью.

Хорошо похмелившись, вели со студентом разговор.

– Эй, Колька, как у бабы место между ног называется? – ржали соседи по канаве. – Что молчишь?

– Да он не знает. Не видел ни разу. Так, что ли?

И матом объясняли женскую физиологию.

– Теперь понял? Повторяй...

Коля молча двигал, как его отец, твердыми скулами и выгребал тяжелую жижу со дна канавы. Если с напарниками ладил, то уголовники, приняв его за прибитого студентика, внаглую добавили участок. Николай драться не любил да и не умел, хотя занимался в институте борьбой, имел крепкие мышцы. Когда его толкнули, показывая новую, несправедливо увеличенную норму, он оглядел мутные от пьянки глаза уголовника и понял, что спорить бесполезно. Лопатой пользоваться научился и рубанул хорошо.

Если бы не телогрейка, то вокзальному вору с мутными глазами перерубил бы ребра, а так лишь одно-другое треснуло. На канавах работали уголовники, поселковая рвань, те, которые воровать не умели, приходящие деревенские мужики, увернувшиеся от колхоза.

Смотрели на ползающего в грязи подранка, кровь, текущую из разрезанной острой лопатой телогрейки, а Коля Слобода, перехватив лопату поудобнее, шел на второго уголовника. Прибежал бригадир, дело замаял. Колю перевели на другой участок, а покалеченного вора повели в санчасть.

– Я с тобой еще рассчитаюсь, – орал пострадавший. – Готовь белые тапочки.

Санитар подтолкнул уголовника в спину.

– Шагай, шагай. Доктор глянет, может, ребро тебе легкое пропороло. Тогда сам белые тапочки присматривай.

– Накаркаешь, – злился уголовник.

В таких каторжных местах жалости не знают. Проманись студент Слобода, мог бы сам остаться с перерубленной рукой или разломил бы череп и списали на несчастный случай. Чего удивляться? Здесь проигранных в карты людей резали среди бела дня и не слишком прятались.

Затем Коля работал на телеграфном участке, выбился в бригады. В 1940 году, когда утихла волна разоблачений, отца восстановили в партии, дали какую-то должность, но квартиру не вернули. Просто добавили еще одну комнату в развалюхе. Николая восстановили в университете, закончил он его в июне 1941-го и сразу был направлен на курсы политработников.

Вначале служил в запасном полку, затем перевели во флотский политотдел, где он долго не продержался. Когда надо было послать кого-то на опасный участок, выбирали новичка Николая Слободу. Однажды приказали сопровождать на задание торпедные катера.

Начальство было недоволено результатами, подозревали, что командиры боятся приближаться близко к цели. Дело было в другом. Скоростные торпедные катера типа «Юнга» развивали скорость 30 узлов (55 километров в час), имели 2–3 крупнокалиберных пулемета, но были неустойчивы на волне. Но посылали их в любую погоду, начальство действовало по принципу: «Хоть лоб расшиби, а задание выполни».

Катера порой переворачивались и тонули еще до встречи с немцами. От капитанов, чаще всего молодых лейтенантов, требовалось не только умение, но и осторожность. Осторожность не поощрялась, хотя за потерянные катера взыскивали строго.

Слобода, посланный вроде контролера, участвовал в атаке на немецкий транспорт с грузом вольфрамовой руды. Три катера, развив полный ход, шли в атаку, прыгая с волны на волну. Многочисленные зенитные автоматы сыпали светящиеся трассы, а фрегат из конвоя с его 88-миллиметровыми пушками спешил на перехват.

Снаряды поднимали фонтаны воды, преграждая путь. Один из катеров лег на бок и едва не перевернулся. Снаряды с чуткими взрывателями срабатывали на поверхности воды, разбрасывая сотни осколков.

Четыре торпеды устремились к транспорту, две – к фрегату. Били, приблизившись вплотную к цели, – опасно, почти смертельно. Один из катеров, получив несколько крупных осколков, замедлил ход и выходил из атаки рывками, выстилая за собой дымовую завесу.

В катер, на котором находился Николай Слобода, врезались два 37-миллиметровых снаряда. Смяло левый торпедный аппарат, пробило борт, и осколком в голову тяжело ранило пулеметчика.

– Замени раненого. Больше некого поставить, – попросил Николая капитан катера. – Сумеешь справиться?

– Сумею.

– Веди огонь по тральщику. Вон, сволочь, спешит.

Пока оттащивал в сторону смертельно раненного пулеметчика, стараясь не глядеть на сорванную затылочную кость, и наводил тяжелый ДШК с сетчатым прицелом, краем глаза увидел, как разламывается от прямого попадания 88-миллиметровки поврежденный катер.

Вел огонь по тральщику, а прямо в лицо была носовая пушка и летели трассы 20-миллиметровых автоматов. Перебило антенну, ударило в палубу совсем рядом, от звонкого грохота заложило уши. Пока менял ленту, бегущий по палубе торпедист дернулся и свалился в трех шагах. Снаряд размочалил и почти напрочь оторвал ногу возле паха.

На секунду глаза политрука встретились с умоляющим взглядом матроса. Катер подбросило на волне, и торпедиста выкинуло за борт. Подбирать его не пытались. Минутная задержка могла стоить жизни всему экипажу.

На пирс выгружали раненых и убитых матросов с двух уцелевших катеров.

– Вот такой наш хлеб, – сказал капитан катера, на котором шел в торпедную атаку Слобода. – В экипажах по одиннадцать человек, включая капитана. Транспорт так себе, средний, тысяч на пять тонн. Чем за него заплатили? Один экипаж полностью накрылся, на нашем катере двое убитых и двое раненых. Три десятка пробоин, торпедный аппарат надо менять, двигатель перебирать. В общем, работы на неделю, да еще пополнение обучать надо. Хорошего торпедиста просто так не найдешь.

– А третий катер?

Капитан усмехнулся:

– Хороший ты парень, Коля. Но мы из-за тебя слишком близко к конвою подошли, чтобы разговоров в штабе не было. Вот и расплатились. На «восьмерке», то бишь третьем катере, механику голову разбило, помрет, наверное, и корпус проваривать надо. Так что наш дивизион временно недееспособен. За месяц три катера потеряли.

Николая собирались представить к медали, но он сам все испортил. Дня через два к нему зашел зам по пропаганде, попросил написать статью в газету. Слобода, наполненный свежими впечатлениями, статью написал, сам отпечатал на машинке и принес в отдел пропаганды.

Через час его вызвали и отчитали.

– И эту херню во флотской газете моряки будут читать? Немцы три катера утопили, дивизион больше не существует, экипажи наполовину выбиты, и воевать некому. Ты не политработник, а вредитель. Паникер!

Начальник отдела пропаганды не любил ковыряться в бумагах, мог и прозевать статью. Тогда ему тоже могли грозить неприятности. Любитель выпить, он в такие моменты не владел собой. Его багровая двойная шея тряслась, изо рта летели брызги.

– Ты не жид случаем? – орал он. – Кучерявый, хитрый, прижух в политотделе, а тебя на передовую надо.

Слобода ответил резко, оскорблений он не терпел.

– Я уже не раз там побывал, а вам не мешает туда прогуляться, чтобы знать истинную картину, а не плести краснофлотцам небылицы. Немцы – серьезный враг и умеют воевать. А вы из них кретинов делаете, которых шапками закидать можно.

После этого разговора отношения с начальством безнадежно испортились, и Николая Слободу вскоре перевели в отряд «Онега». Ехидно напутствовали: мол, если в тылу не усидел, придется воевать. Впрочем, Николай был готов идти хоть куда, лишь бы не видеть своих коллег-политработников.

Отец, который воевал под Ленинградом в должности заместителя командира артиллерийской бригады, узнал о неприятностях сына. Спрашивал в письме, может, нужна помощь? Николай ответил в тот же день, что все нормально, никакой помощи не надо. Пока письмо шло к адресату, подполковник Захар Андреевич Слобода погиб, ведя дуэль с тяжелой немецкой батареей, обстреливающей Ленинград.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.